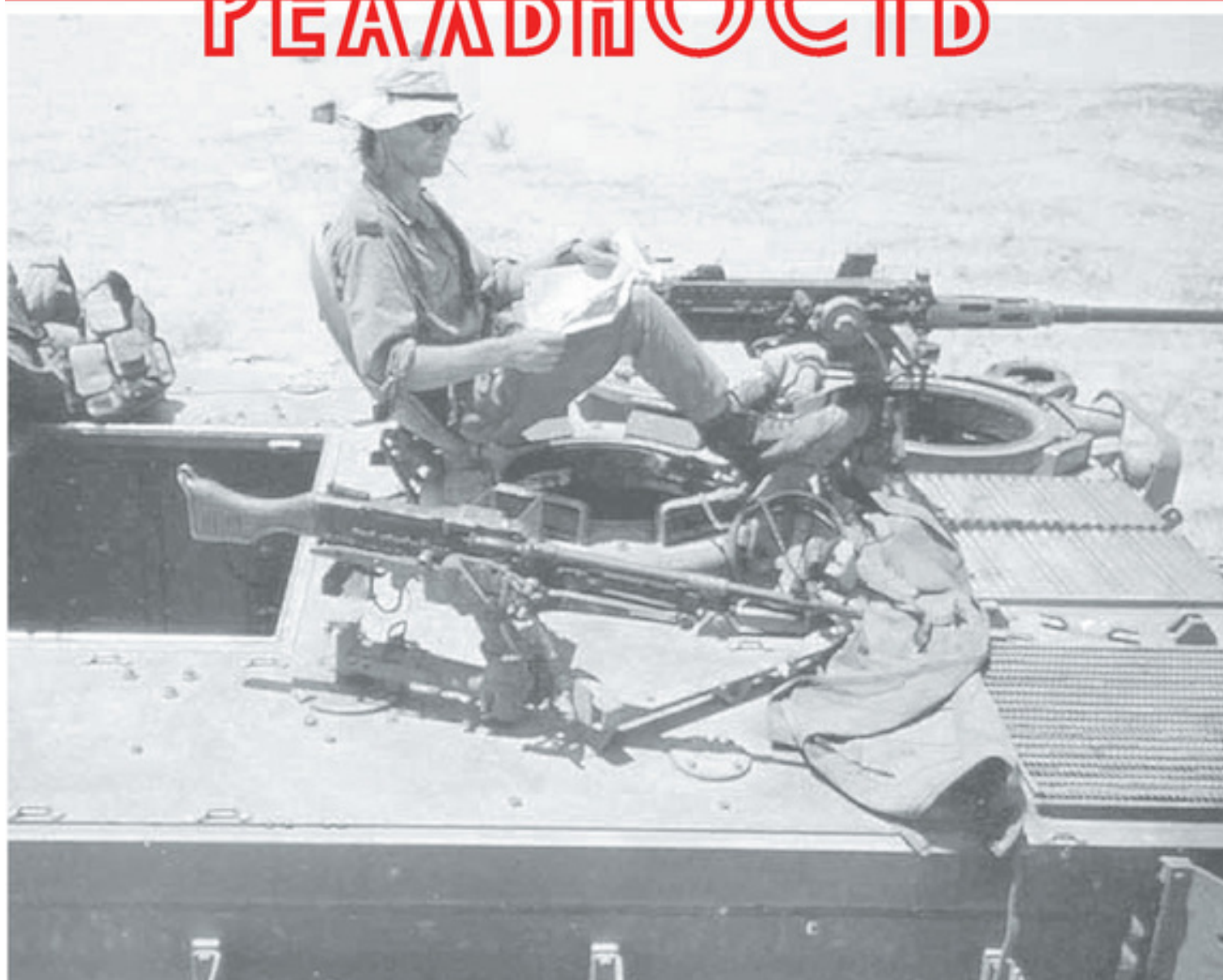

Дэвид Каснер

**НЕВИРТУАЛЬНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

Давид Каспер

**Невиртуальная
реальность (сборник)**

«Книга-Сэфер»

2009

Каспер Д.

Невиртуальная реальность (сборник) / Д. Каспер — «Книга-Сэфер», 2009

Давид Каспер – солдат. Сначала Советской, а затем Армии Обороны Израиля. Воевал, убивал, терял товарищей, был ранен, стал инвалидом. В его повестях и рассказах точный и жесткий мужской военный быт. А еще – любовь. Любовь под бомбами в Хайфе во время Второй Ливанской. Любовь под палящим солнцем Тель-Авива... А еще – правда. Выстраданная, пережитая правда солдата и израильтянина.

Содержание

НЕВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	5
1	9
2	11
3	13
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	25
11	26
12	27
13	30
14	31
15	32
16	33
17	35
18	38
19	39
20	41
21	43
22	45
МИННОЕ ПОЛЕ «СТРАНЫ ДУРАКОВ»	46
1.	46
2.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Каспер

Невиртуальная реальность

Повести. Рассказы

НЕВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

– Слышь, Максимка, а правда, что в русской армии домой отпускают один раз за два года?

Максим положил автомат на колени и плюнул через открытые задние двери джипа на появляющуюся и стремительно убегающую дорогу. Ему нравилось сидеть так близко к несущемуся асфальту. Движение зачаровывало. Отвечать не хотелось. Сколько можно расспрашивать об одном и том же? Как разъяснить, что эти армии – две разные планеты? Где найти слова, описывающие разницу между красным и синим слепому от рождения?

– Глухой что ли? Я тебя спрашиваю...

Макс хмуро взглянул на напарника. Гай был моложе его лет на десять. Недавно после срочной. Максим снял очки и провел ладонью по глазам.

– Молодой человек. Попрошу обращаться ко мне с уважением. Я старше тебя не только по возрасту...

– Обиделся, что ли? Ну, извини... Ну, поговорить-то нам надо, или будем молча шесть часов ездить? Хочешь?

Гай протянул ему шоколадку. Максим примирительно фыркнул.

– Да нет. Дурачусь. Один раз отпускают, если повезет. Меня не отпустили.

– Что?! Два года не был дома?! Я, если месяц форму не снимал, на стенки бросался! Как тут можно не застрелиться?!

– Ну... Застрелиться были более серьезные причины. А жалеть меня не надо, как можно быть счастливым, не зная, что такое несчастье? Вот ты, например, счастлив, но не догадываешься...

– А... философия... – отмахнулся тот.

– Гай! Почему без каски? Приказы тебе уже не обязательны? – Командир патруля, Офер, обернулся к солдатам. – И вообще, Бузагло затормозит, ты башкой в рацию хрякнешься, а армия потом тебе страховку плати! И больничный за счет государства.

– Да студент я. Больничный мне не к чему. Значит, могу и без каски ездить, правильно? А если зачешется, как быть? – отбрехивался Гай, но каску нацепил.

– Через каску и чеши. Самсон хренов...

Кучерявый Гай, улыбаясь, заскрежетал ногтями по железной голове.

– А чего Бузагло, Бузагло... – возмутился бородатый водитель. – Я без предупреждения не торможу... Предупреждаю!!! – заорал он. Все ухватились – кто за что успел. Он рассмеялся.

– Вырабатываю безусловный рефлекс!

– Шутник, тоже мне, – незлобно заворчал офицер. – А если кошка под колеса прыгнет?

– Кошку, конечно, жалко, но студенческая голова дороже. – Бузагло переключил передачу. – А как шмякнется кумполом о пулемет, из него все формулы и повыскакивают, что нам с ними делать?

– На дорогу смотри! А у тебя, Яцкевич, почему бронжилет расстегнут? Жарко, что ли?

– Липучка не прилипает...

– Не ври! Перед выездом проверял?

– Проверял... – сказал Макс, пришепывая край бронезилета. – На улице плюс сорок, это у вас впереди кондиционер, а у нас тут двери раскрытые, весь холод и выдувает. Давай, Офер, поменяемся, ты сюда, а я вперед. Или двери закроем, тогда и застегнусь...

– Ага! Двери закроем, а смотреть как? Через выхлопную трубу? А выскакивать через ствол пулемета? – Офер, уже стоя на коленях и обняв подголовник, болтал с солдатами.

– А выскакивать зачем? Джип бронированный. Тут и пересидим.

– Пересидим, пока не подожгут, – рассмеялся Гай. – Тогда плюс сорок Сибирью покажутся, и кондиционер не поможет.

– Ладно, уговорили, но так все равно не честно. Почему у офицеров кондиционер, а нам пыль глотать? – Максим разломил шоколадку и половину вернул Гаю.

– Потому что офицеры в израильской армии идут в бой первыми! – гордо заявил Офер. – Это тебе не Россия!

– Первыми и последними, – засмеялся Гай. – Нам и в пуленепробиваемом джипе хорошо.

– А я в русской армии тоже был офицером! – Максим почесал щеку. – Майором войск специального назначения. Про спецназ слышали?

– Что?! – удивился Офер. – Ты же в 20 лет в Израиль приехал, когда же ты успел майором стать?!

– Ну, почти майором. Антисемитизм, к тому же интриги... Я же коммунистом не был. Поэтому дослужился только до сержанта ПВО...

В джипе рассмеялись.

– Зато сейчас ты программист, богатенький стал... – Офер зацокал языком.

– Зря завидуешь. Работа нелегкая.

– А чего тут тяжелого? – возмутился Бузагло. – Сиди себе, кнопки нажимай под кондиционером. Вокруг девушки в коротких юбках...

– Все верно, но знаешь... – Макс задумался, припоминая, – бывает, пишешь – здорово. Второй день пишешь – здорово. А через неделю смотришь – что за бред я написал? И все стираешь. Или придет начальник проекта и скажет, что корневую функцию изменили, и выкидывай все, что делал две недели. Знаешь, как обидно?!

– Я бы за такие деньги не обижался...

Офер повернулся к водителю.

– Ну а ты, Бузагло, чем на гражданке занимаешься?

Бузагло надул щеки и почесал седую щетину.

– Ничем. На гражданке я главный начальник всего.

– Чего? – недоуменно переспросил Гай.

– Всего.

– Вау! Так всем и руководишь?

– Нет. Всем руководят начальники поменьше. Я задаю главное направление развития...

– Так вот оно что! – буркнул Офер. – То-то мне этот мир не нравится. Оказывается, Бузагло рулит...

– И что? – Гай был готов расхохотаться. – Все тебя слушают?

– Только моя собака. И только если у меня в руке шоколад....

Под раскаты хохота Бузагло остановил машину.

– Офер, проси перерыв, курить хочу.

– Ладно. Попрошу, но рановато еще, только полчаса, как выехали.

Он поймал болтающийся под потолком передатчик, и, растягивая крученный шнур, позвал:

– Стойбище от Сорок второго.

– Здесь Стойбище, прием.

– Здесь Сорок второй. Прошу разрешить Манго. 10 маленьких. Спички просят отравиться туманом.

– Здесь Стойбище. Не понял, что просят?

– Курить хотя!

– Отрицательно. Сорок второй, продолжайте движение. Сорок третий на Манго, как выйдет с перерыва, разрешу.

Бузагло тронул машину.

Рация продолжала скрипеть.

– Первый верблюд от Стойбища.

– Здесь Первый верблюд, слушаю.

– Проверка связи.

– Слышу хорошо.

– Сорок первый, от Стойбища?

– Слышу хорошо.

– Принял, Сорок третий?

– Грм-м кх кх, грм-м.

– Не принял, Сорок третий?

– Гр-р-р, пст.

– Сорок третий, от Стойбища, перейдите на мобильную связь.

– Макс, ну расскажи про ту армию.

– Не хочу. Плохо там было. Хватит об этом. Ты, Гай, женат?

– Нет. Куда торопиться? Еще успеют заарканить. Правда, есть одна... Думаем. Ну, а как ты? Ты ведь недавно женился, и как оно?

– Год уже... Мне нравится.

«Наташа... Скоро увидимся, милая...» – Он улыбнулся.

– Сорок третий! Если меня принимаешь, нажми три раза.

– Пст, пст, пст.

– Сорок третий, вернитесь на Стойбище. Сорок первый и Сорок второй, возьмите его зону. Сорок первый, от Стойбища до Малахита, Сорок второй, от Стойбища до Первого верблюда.

– Сорок второй принял.

– Сорок первый принял.

– Четвертый верблюд от Стойбища, проверка связи.

– Здесь Четвертый, слышу ... А-А-А!!! ЗЕЛЕНАЯ МОЛНИЯ!!! ЗЕЛЕНАЯ МОЛНИЯ!!!!!! – завопила рация. Послышались щелчки выстрелов и далекий крик: «Я ранен, я ранен!!!» В наступившей тишине раздался ни капли не изменившийся голос оперативного дежурного:

– Сорок второй, бегом туда. Сорок первый, вся зона – твоя...

– Сорок первый, принял.

– Сорок второй уже в дороге...

Офер выпустил микрофон и ухватился за скобу. Тяжелая машина разворачивалась. По полу, шурша, поползла незакрепленная канистра с водой.

Гай с размаха хлопнул Максима по колену и, расплываясь в ухмылке, заорал:

– Добро пожаловать в интифада-лэнд, развлечения для настоящих мужчин! Бесплатное 3-х разовое питание и ночевка на свежем воздухе! Сон и еда, впрочем, не гарантируются. 28 дней невероятных приключений с настоящим боевым оружием! Оплата седыми волосами и дырками в теле! – Он нервно хохотал.

– Четвертый верблюд! Бросайте туманные груши и тащите сломанные и сгоревшие спички за бетонаду. Помощь идет, – спокойным голосом сказал оперативный. – Одна маленькая с начала столкновения...

* * *

зеленая молния – боевое столкновение
туманные груши – дымовые гранаты
спичка – солдат
сломанная – раненный
сгоревшая – убитый
маленькая – минута

* * *

Повесть хронологически смешана. Трудно понять порядок событий.

Максим Яцкевич болен рассеянным склерозом (MS). Первый приступ (он ослеп на левый глаз) был и бесследно прошел за два года до боя на дороге Хеврон–Идна. Он никому не сообщил об этом и продолжал служить в армии. Только через три года болезнь дала себя знать. Максим не мог больше служить и работать. Он развелся и живет на пособие по инвалидности в «социальной» квартире.

1

«Сегодня, сегодня, наконец! – Максим нервно ходил по комнате, ероша волосы. – Амалия, Амалия...» Он зашел на кухню, взял грязный стакан, открыл воду, но мыть его не стал. Позабыв, зачем он это сделал, Максим налил в стакан колы, с удивлением вглядываясь, как на пузырящейся поверхности появляются белые пятна молока. Вылив омерзительный напиток, он поставил стакан в раковину и снова начал мерить комнату шагами. Левая нога прихрамывала и немного волочилась, но мужчину это явно не беспокоило. «Наташа, Наташа, зачем ты это сделала? Ну у, понимаю, ну вышла за программиста, не захотела жить с инвалидом, подло, конечно, но понятно. Но зачем прятать от отца ребенка? Три года переезжать, бежать от социальных работников, не приходиться на суд! Зачем? Зачем?» Сто лет одиночества научили Максима разговаривать с собой. Нечастые подружки и редкие вечеринки. Все ведь заняты, у всех семья, работа. Это он бездельник.

Амалии уже четыре. Максим даже не представлял, как выглядит его ребенок.

«Но сегодня это закончится. Мы будем играть, смотреть мультфильмы, ходить в зоопарк. У меня даже будет ее фотография...» – Он улыбнулся. Почему-то фотография девочки представлялась ему самым важным. Он остановился и взял другой невымытый стакан. Темные пятнышки засохшей колы.

«Сойдет», – он жадно выпил.

«...В кибуце «Ам эхад» «катуша» попала в курятник, уничтожив несколько тысяч кур. Таким образом, количество ракет, выпущенных Хизбаллой по Израилю, достигло 1388... – бубнило радио. – Министр обороны Амир Перец заявил, что террористическая организация израсходовала большинство своего арсенала. Учитывая склады и пусковые установки, уничтоженные ВВС ЦАХАЛа, нет никакого сомнения в том, что угрозы обстрелять Хайфу и пригороды остаются пустыми угрозами...»

Макс, чертыхаясь, выключил радио.

После того, как он на собственной шкуре убедился в, мягко говоря, недостоверности передаваемой информации, Максим бойкотировал любые каналы масс-медиа. Интернета было достаточно, чтобы узнать новости, а фильмы можно было скачать и посмотреть на компьютере. «Зачем? – говорил он друзьям. – Чтобы объясняли, как мне нужно думать? Я и сам умею думать, а если талдычат вещи, с которыми я не согласен, – раздражаюсь. Оно мне надо?»

Практически все были с ним согласны, даже завидовали, но отказываться от искусственного интеллекта никто не торопился.

Родители настояли, чтобы на время войны у него было радио: «По крайней мере будешь получать оперативную информацию».

На его отговорки, что сирену трудно не услышать, была готова к применению крайняя мера убеждения в виде маминых слез. Пять лет прожил Максим без реклам и трескотни дикторов. А музыка – только та, что он хотел.

«Еще полчаса и можно выходить». Полчаса нужно было чем-то занять, и он начал мыть посуду. Посреди этого увлекательного занятия, когда чашки уже вымыты, а тарелки намылены, завывала сирена.

От неожиданности Максим уронил губку. Заныло сердце, он вытер мгновенно вспотевший лоб мыльной рукой. Нет, обстрела старший сержант бронепехоты, правда, в прошлом, Максим Яцкевич, не боялся. Слишком уж большая Хайфа, чтобы был хоть сколько приемлемый шанс попасть под ракету. Нет. Но Амалия...

Макс бросил недомытую посуду, вытер руки и закурил.

«Что же делать? Наташа ведь цепляется за любой шанс, чтобы избежать моей встречи с ребенком.... – Он нервно затаился. – А уж такой... Но вдруг они уже приехали и ждут?»

Он понимал, что его бывшая жена никогда не придет на встречу с часовым опережением. Но – пусть гипотетическую – такую возможность исключать нельзя. Тем более, что совсем рядом с отделом «семейной связи», на Адаре, находилась библиотека, а Максу нужно было поменять книжки.

«Ну ладно, буду делать, что я могу, а там... будь что будет. Поехали. Раньше сядешь – раньше выйдешь. Интересно, транспорт ходит? Заодно и проверим».

Он быстро поменял шорты на брюки, кинул в рюкзак книжки, кошелек, темные очки. Перед выходом остановился: «Так... Сигареты, вода, кошелек, ключи... Вроде все. Вперед!»

Уже закрыв дверь, вспомнил: «Свет. Плевать! Пусть электрическая компания построит себе новый небоскреб».

На улице было тихо, сирена прекратилась. Людей не видно, однако машины ездят. Он увидел удаляющийся зеленый автобус. «Отлично! Живем, как будто нет войны. Воюем, как будто нет... Чего? А-а-а, не важно...»

2

Людей на остановке не было. Видимо, уже никто не надеялся на общественный транспорт или просто отменяли дела.

«Вот дураки-то, сирена может быть и ложная. Хотя... Может, по радио что-то новое сказали... А-а-а, черт, палку забыл! – досадливо поморщился Максим. – Хотя ладно, идти не далеко».

В самом деле, он не любил ходить с палкой. Ведь без нее никто не знает, что у него проблемы. Ну, хромает, ну с кем не бывает? С палкой он переходил в разряд бедняг. Он все время ловил сочувственные взгляды. Молодой, красивый, а ходит – бедолага – как восьмидесятилетний. Макс не выносил, когда его жалели.

Он услышал сигнал. Белый «Форд-транзит» с открытой передней дверью пыхтел дизельным двигателем. В двери появилось усатое лицо водителя маршрутки.

– Ну что, едем, или как? – закричал он с сильным русским акцентом.

– На Адар? – Максим прекрасно знал, куда идет такси, знал, что ребенка он сегодня не увидит, понимал бессмысленность этой поездки, но оставаться дома было просто невыносимо.

– На Адар, куда же еще? – раздражался водитель.

Сделав последнюю затяжку, Макс щелчком отшвырнул окурок и вошел. Заплатив, он устроился с молодым парнем, дергавшимся под звуки хэви-метала, бившим из-под больших черных наушников. «Меломан, однако, – усмехнулся Максим и прислушался. – Ничего себе! Айрон Мэйден! Музыка двадцатилетней давности! Где мои 17 лет?» Он дернул парня за рукав. – Че?! – Заорал тот, не соизмеряя громкость своего голоса.

Максим постучал по уху. Парень выключил флэшку и уже нормальным голосом спросил:

– Че?

– Какого года «Мэйден»? Восемьдесят седьмого?

Юноша с уважением посмотрел на Макса.

– Восемьдесят восьмого. «Назад в ад». Бэк то зе Хэл... – запел он.

Максим жестом остановил блеющего паренька.

– Объясни мне. Чем старое дерьмо лучше нового?

– Это «Айрон Мэйден» дерьмо? – обиделся тот. – Ты еще скажи, что «AC/DC» дерьмо!

Иди «Аббу» слушай!

Он потерял всякий интерес к разговору и нацепил наушники. Не успел включить флэшку, как снова раздалась сирена воздушной тревоги. Водитель остановился и заглушил машину. Открыв дверь, он закричал:

– Все наружу, лечь на обочину!

Пассажиры потянулись к выходу. Макс и парень не двигались. Юноша, сняв с лысой головы кепку, спросил:

– Водила, ты что, больной? Лежать-то зачем?

– Инструкция. Наше дело предложить, ваше – отказаться.

Шофер захлопнул дверь и присоединился к стоящим на обочине.

Максим посмотрел на них и спросил у меломана:

– Ну и какая разница, где быть? Здесь или... – он кивнул, – там?

– Разница есть.

Вдалеке бухнул еле слышный взрыв.

– Да? И какая?

– Кондиционер.

Через левую дверь забрался на сиденье возбужденный водитель.

– Все вернулись? – неестественным голосом спросил он. – Вперед! Следующая остановка – Хайфское городское кладбище! – он хохотнул и завел минибус.

«Избежал неминуемой смерти. Рассказов хватит на 10 лет», – ухмыльнулся Макс. Он повернулся и протянул ретро-металлисту руку.

– Максим.

– Ури, – он сильно сжал протянутую руку.

– Сколько раз остановимся до Адара? Спорим, два.

– Десять шекелей. Бомбить будут один раз. – Ури достал монету с желтой серединкой.

– Согласен, только не бомбят, а стреляют ракетами. Но разницы нет. Или ты и здесь найдешь отличие? – Макс улыбнулся. – Я имею в виду, для нас.

– Ну, что ты! Разница, можно сказать, принципиальная! – возмутился Ури.

– Ну-ну. Рассказывай, время еще есть. – Максим был заинтригован.

– Понимаешь, если нас бомбят, человек, сидящий в самолете, испытывает какие-то чувства, нажимая на гашетку. Он видит внизу городской квартал и понимает, что под его крылом сейчас люди, которые любят, ревнуют, стирают белье... И с падением его бомбы весь мир этих людей изменится. В него войдет боль, смерть, или, может быть, радость, как у нашего водителя.

«Да», – Подумал Макс. Такси забралось на горку, и он взглянул на серые дома недалеко Хайфы. Он вспомнил Бродского: «...Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик»... Он задумался о нашей авиации, бомбящей сейчас ливанские города. Память тут же выдала другую фразу того же автора: «... Над арабской мирной хатой гордо реет жид пархатый». Максим пожалел, что это невозможно перевести на иврит, Ури наверняка бы понравилось.

– Но людям-то какая разница?

– Не скажи. Когда в тебя пускают ракету, расчет разбегается, опасаясь ответного удара. Они запустили. И все, больше об этом не думают. Другое дело, человеческое отношение летчика, конечно, лучше, если бы он был знакомым. А ракеты... Это как разговор с автоответчиком. Живой человек дал бы ту же информацию, но...

Максим скривился. Доводы парня были явно высосаны из пальца.

– Скажи, Ури, а что, громкий хеви-метал разрушает мозг? – Максим вдруг подумал о своем, который разрушается без всякого хеви-метал.

– А... Да что с тобой говорить? – разочаровано протянул парень. – Цивильный и есть цивильный. Думаешь прямолинейно, и возможности существования другого восприятия действительности не признаешь... Только выглядишь как мыслящий человек. Да, «Айрон Мэйдн» знаешь. Нет в тебе романтики, не видишь ничего за гранью физических предметов...

Уриэль еще кудахта, но Макс уже его не слушал. Они ехали по Адару. Людей поменьше, чем обычно, но все-таки немало. Магазины открыты, кто-то что-то покупает. Не так страшен, значит, черт...

Такси остановилось, Макс махнул Ури, и они разошлись, каждый при своих десяти шекелях.

Загудело. Прохожие заспешили укрыться в магазинах и подъездах. Вдруг недалеко грохнуло, да так, что задрожали окна. В истерике закричала женщина. Люди побежали. «Куда они бегут? – недоумевал он. – Наверняка ведь следующая ракета упадет именно туда, куда кто-то так торопится». Максим был спокоен, разве что немного возбужден, но нога... Левая нога слушалась плохо, много хуже, чем обычно. «Странно, – сильно хромя, он продвигался к муниципальной службе семейной связи. – Доктор Шварц ведь говорил, что проблемы возможны в случае усталости или перегрева организма. Оказывается, еще и нервное возбуждение. Ладно, буду знать».

Дверь здания была заперта. «Что такое? Рабочий день в разгаре!» – он постучал.

3

Пожилой охранник в голубой рубашке со скрещенными ключами на эмблеме приоткрыл дверь.

– Что?! Что пришел? Тут война, видишь ли...

Впускать Максима он не торопился.

– Ну и что? Выходной у вас по этому случаю?

Охранник не нашел, что возразить, и открыл дверь, для важности передвинув пистолет на бедро.

– У тебя назначено? К кому пришел? Что за дело?

Макс не отвечая отодвинул желающего побеседовать стража и вошел.

Столпившиеся вокруг лежащего на столе радио женщины удивленно посмотрели на него. Широко расставив руки, с улыбкой на круглом лице – на вошедшего двинулась Батья Коэн, его социальный работник.

«Только обниматься не будем!» – испуганно подумал он.

Все называли ее одесским именем – Бася.

Красивая, немолодая женщина была полна, всем существом излучала доброту и очень напоминала героиню Бабеля.

– Максим! Ты зря пришел! Наташа звонила из Ришона, они не могут приехать, поезда не ходят.

Он тяжело упал на стул. «Ой-ей-ей, триста метров прошел, а так устал».

– Понимаю. Нечего детям делать сейчас на севере. Но ведь шанс у меня был! Так хочу ее увидеть!

Максим снял очки и положил голову на руки. Бася присела и обняла его.

– Ничего, Максим, уже скоро. Три года ждал, потерпи еще немножко. Обещаю тебе, встретишься, поиграешь с ней, в кино еще сводишь, мороженое купишь...

Максим откинулся на спинку стула и с грустью посмотрел на нее. Без очков были видны мешки под его глазами, морщины, и становилось понятно, что он уже совсем не молод, и ведет он себя совсем не так, как положено зрелому, сорокалетнему мужчине.

– Эх, Бася, Бася... Хороший ты человек, но сил моих совсем не осталось...

– Макс, Максимка, ну не надо, не раскисай, я выделю вам самое удобное время, лично буду присутствовать на встречах. Будет, будет контакт, она признает в тебе папу! На каком языке она говорит? Русский? Иврит? На обоих?

– Не знаю...

– А в садик она ходит?

– Не знаю...

4

Людей на улице стало меньше. До русского центра было метров триста дворами, и, сильно хромя, Максим наблюдал, как два араба деловито сбивают замок с бомбоубежища. Их притихшие, испуганные дети столпились рядом. Три неопределенного возраста женщины причитали на непонятном языке.

Привычно в небе над Хайфой стрекотали вертолеты.

Как он и ожидал, дверь в библиотеку была заперта. «Что за стереотипное поведение!? Собраться всем в одну кучу, посередине поставить радио. – Возмутился Макс. – Запереть все двери и окна и ждать неизвестно чего!!»

На этот раз охранник был молодым.

– Чего приперся?! – закричал он на Максима по-русски. – Война идет, не знаешь, что ли?

– Да мне бы книжки поменять... – оправдывался он.

– Какие книжки?! Тут бомбы падают! – Охранник был агрессивен и уверен в своей правоте.

Максим закипал. «Какого черта?! Что они все себе думают? Они на работе?! Так пусть работают!»

– Так. – Угрожающе начал он. – Книжки есть?

– Есть.

– Библиотекарша есть?

– Есть.

– Так в чем проблема?!

– Но ведь бомбы...

– Короче, – Максима уже начала забавлять абсурдность ситуации. – Бомбы падают независимо от того, менял я книжки или нет. Ну, в худшем случае, библиотекарша погибнет на рабочем посту, с хорошим чувством выполненного долга...

Помощь пришла неожиданно, в виде расхристанного молодого солдата с М-16.

– А ну-ка пропусти! Что за базар устроил? Где библиотекарша?

Охранник сдался превосходящим силам, вооруженным не столько логикой, сколько задором. Он посторонился, открывая дверь.

– Там, внизу – в кафетерии – все столпились, сами ее уговаривайте...

Спускаясь по лестнице, Максим обернулся к солдату и, подняв палец, сказал:

– Молчи, говорить буду я. Чашечка кофе, несколько вопросов о детях, и – она наша...

Женщина обрадовалась молодым людям и, после недолгих уговоров, открыла библиотеку.

– Только поторопитесь, пожалуйста. Как-то не по себе мне. Со всеми как-то легче...

– Хорошо...

Вау! Кинзабуро Оэ! «И объяли меня воды до глубины души моей». Как давно он искал эту книгу! Еще в Советской армии Максим прочитал первую часть и с тех пор, 20 лет, искал вторую. В волнении он схватил книжку и крепко прижал ее к себе. Так, что еще? «Чевенгур» Платонова? Читал, но пойдет, хорошие вещи не надоедают. Третья? Какой-нибудь детектив?

– Молодые люди! Пожалуйста, заканчивайте, пойдем вниз! – спокойствие библиотекарши исчезло, и она нервно стучала рукой по столу. Солдат с неохотой отлип от стеллажа с боевой фантастикой.

Вскоре женщина внесла в компьютер названия взятых книг, заперла библиотеку и, не по возрасту легко, сбежала по лестнице. Махнув на прощание беспокоящему охраннику, они вышли на улицу. Было тихо. Бомбоубежище зияло открытой, тяжелой дверью. «Наверное, вентиляция не работает», – подумал Макс.

– Дело сделали, пора по домам. Удачи! – солдат поправил автомат.

– И тебе. Счастливо! – Максим улыбнулся, пожимая протянутую руку.

«Вот и все, – тоскливо подумал он. – Теперь поймать маршрутку и – домой, читать книжки и смотреть фильмы. Back to the blue».

Действительность быстро разогнала тоску. Загудела сирена воздушной тревоги, и вскоре невдалеке с ужасным грохотом разорвалась ракета. Окно в доме напротив лопнуло, и Максим, пригнувшись, защитился от осколков стекла. «А теперь серьезно!» – ухмыльнулся он и двинулся в подворотню. Точнее, он намеревался это сделать, но левая нога никак не откликнулась на его намерения. Чтобы не упасть, Макс обнял фонарный столб. «Черт – черт – черт!! А ножку-то парализовало! Вот зараза! Что же делать?» – Максим был близок к панике, но заставил себя сконцентрироваться и думать головой. Глубоко вдохнув-выдохнув несколько раз, он запрыгал на здоровой ноге к ближайшей скамейке и только плюхнувшись на нее успокоился и закурил. «А вот теперь можно и отдохнуть. Вариантов все равно нет». Сирена замолчала, отовсюду стали появляться люди, громко разговаривая и возбужденно махая руками. Некоторые с удивлением смотрели на Максима, доставшего Оэ и пытавшегося читать. Читать не получалось. Несмотря на внешнее спокойствие, возбуждение давало себя знать. Он спрятал книжку и задумался. «Что за ерунда? Воевал ведь, бывало и хуже! Бывало намного хуже! И действовал! Никогда ведь не паниковал!»

5

...И Максим вспомнил свой первый бой, даже и не бой для него, но все-таки тогда он впервые стрелял на поражение. Повезло им тогда. Правда, не всем...

...Джип летел по пустой дороге, связывающей Хеврон с Идной. На поворотах тяжелая, бронированная машина опасно кренилась.

– Потише, Бузагло, перевернемся, кто им тогда поможет? – голос Офера, сорокалетнего лейтенанта, звенел от напряжения, хотя по лицу никак нельзя было сказать, что он волнуется.

– А че Бузагло, Бузагло... Сама летит... – забубнил водитель, но скорость снизил.

– Стойбище от Четвертого верблюда, Стойбище! – радио искажало истеричный крик сержанта-писаря. – Поломанная спичка теряет много красной жидкости! Не можем остановить! Срочно нужна полезная помощь! Нужны конфеты! Конфеты заканчиваются!

– Помощь идет, – голос оперативного был преувеличенно спокоен. – Определили местоположение и количество чумазах? Взрывающихся хватает?

– Нет! Не определили! Взрывающиеся не нужны! Где помощь?!

– Восемь маленьких с начала столкновения. Полезный вертящийся вылетел из Щебенки, будет через полукруглого, даже двадцать пять маленьких. Два вредных вертящихся уже на выходе. Два полутяжелых по дороге к вам, будут через 40 маленьких. Сорок второй на подходе. Сорок второй от Стойбища!

– Сорок второй на связи, – Офер прокашлялся.

– Когда на Четвертом верблюде?

– Через 5 маленьких, – лейтенант покосился на водителя и добавил, – с Божьей помощью...

Максим представил, как сейчас возле палатки координационного центра собрались все свободные и не спящие, покидав карты и нарды, внимательно вслушиваются в происходящее. Не раз Макс стоял в этом кругу соперствующих, глядя на голого по пояс оперативного, отсчитывающего время с начала столкновения. Иногда кто-то обливал его водой из пластиковой бутылки. По его мнению, оперативный дежурный потел куда больше солдата в каске и керамическом бронежилете.

Вот и его выход. Ждал и представлял это многократно.

«Не подведу ли я? Справлюсь ли? – Максим дрожал, не замечая этого. – Четверо в джипе, еще четверо на блокпосту, писари, из них двое ранены. Толку от них мало, но вроде не паникуют, уже хорошо».

Взвод «офисных» солдат с курса молодого бойца из-за разгара интифады был прикомандирован к его роте бронепехоты 393 резервного бронетанкового полка. И надо же, именно они стояли на злополучном четвертом верблюде, самом до сих пор спокойном месте.

«Наверное, забились за бетон, дымовые гранаты кидают. Хорошо, что арабы это не поняли – спустились бы и перебили всех».

Сзади, за водителем и командиром, сидели солдаты – Максим и кучерявый, белокурый, вечно улыбающийся Гай. Гай был молод, 23–24. Года три после срочной. Шевелюра его была настолько пышной, что, поднимаясь, закрывала каску почти до середины.

– Все в порядке? – улыбаясь, Гай положил руку на колено дрожащего Максима.

– Какое там «в порядке»? – попытался отшутиться тот. – «Барселоне» вчера проиграли...

– Не волнуйся, Макс, тебя много лет этому учили. Тело само знает, что делать, лишь бы голова не паниковала. Ну и меня слушай...

– Десять маленьких с начала столкновения, – голосом радиодиктора говорил оперативный. – Четвертый, изменения?

– Отрицательно. – Сержант-писарь уже не вопил.

– Колеса Сорок второго?

– Сорок второй здесь.

– Колеса Сорок третьего не встречали? Связи у них нет.

– Отрицательно, – Офер оглянулся. – Никаких колес вообще.

– Принял.

«А чего мне, собственно, бояться? – Максим подумал о своем диагнозе. – Если убьют – сразу в лучший мир. Отдохну. Если ранят – совсем хорошо, не убили. А если вообще не заденет... ну-у-у... скучновато, конечно, через 10 дней служба кончится – и на работу. Функции писать да встроенные циклы. И – Наташа, Наташа, Наташа».

Вспомнив о жене, он улыбнулся. На душе потеплело.

– Стойбище! Стойбище! – снова заверещал Четвертый верблюд.

Офер обернулся к солдатам.

– Еще 3 минуты. Готовы?

Они кивнули.

– Патрон в ствол, оружие на предохранитель...

Максим передернул затвор и щелкнул рычажком.

«Все-таки хорошо, что «Галиль», а не М-16. Хоть и тяжелее, но надежнее».

Мотор уютно урчал...

6

...Сидеть было неудобно. Здоровая нога затекла. Довольно близко грохнул взрыв. Стекла задрожали. Бежавшая женщина истошно закричала. Столкнулись две машины, водители, даже не заглушив моторы, выскочили и побежали куда-то вниз по улице.

«Паника, – подумал Максим, затягиваясь. – Если вы, гражданские, такие умные, почему строем не ходите?» – Он вспомнил автора этого вопроса и мысли повернулись к Советской армии.

...– Рррыз, рррыз, рррыз-два-три, рррыз, рррыз... – доносилось с плаца. – Налеее-У! Напряяя-У!..

– Объясните мне, товарищ старший прапорщик, – пользуясь привилегией старослужащего, спросил Максим у старшины. – Зачем два часа в день, не покладая ног, маршировать и истошно кричать песни?

Прислушиваясь к топоту, белоусый прапорщик процедил:

– Ты, товарищ солдат, так сказать, Яцкевич, уже почти два года служишь, а, извиняюсь за выражение, ума не набрался. – Прапорщик задумался... – Для молодцеватости, конечно...

«А ведь он не сомневается в исключительной полезности этого занятия».

– Песн-Ю запе-е-е-ВАЙ!

И пятьдесят глоток – со всей дури – заорали:

«Росси-Я, родимая мо-Я...»

– Кроме того, – продолжал старшина, – ты, вроде, извиняюсь за выражение, еврей, а такой простой вещи не уяснил: солдат без работы – потенциальный преступник...

...Макс заметил, что бегущий мужчина вдруг остановился и стал с любопытством разглядывать его. Максим виновато улыбнулся и развел руки, как бы говоря: «Ну вот, сию я».

Мужчина покачал головой, хмыкнул и побежал дальше...

«И как вам объяснить, что бомбежка ведь не самое страшное».

И он вспомнил самое страшное...

«Да... Давно это было, – это было лет семь назад, за год до того как он женился за два года, до той истории под Хевроном, что он сейчас вспоминал. Тогда Максим еще не знал, что значат два тяжелых слова, от которых хочется выть: *Multiply sclerosis* (рассеянный склероз). Макс был уверен, что эта болезнь древних, выживших из ума стариков, которые все забывают и путают. Однако все было совсем не так. Он снял очки и прищурился. Морщинки побежали от его глаз. – Было ли это самым жутким или худшее впереди, но эта дурацкая бомбежка – цветочки»....

...Ж-Ж-БУМ, Ж-Ж-БУМ, бам, бам, БАМ, бам, Ж-Ж-БУМ...

Грохало сильно, несмотря на наушники. Перед глазами – серый, полукруглый свод. Очень чесалось ухо, но шевелить головой ему запретили. Вместо уха Максим почесал ногу. Не помогло.

«Черт-черт-черт, клаустрофобия! М-М-М-М-М-М, еще 10 минут».

Время не шло. Свод безжалостно давил...

...Ж-Ж-БУМ, бим, бим, Ж-Ж-БУМ...

Максим стоял под табличкой “*Rambam hospital– M.R.I*” (отделение магнитного резонанса больницы Рамбам), ожидая ответа. Кулаки нервно сжимались...

– Вот ваши снимки, – протянул диск краснощекий техник, уводя взгляд от одеревеневшего лица Максима. – Результат положительный. MS. Сочувствую...

...– Вот видишь эти белые точки? – доктор Шварц указывал на круглые ломтики содержимого Максимовой головы. – Это разрушенные участки мозга.

– Ну и что дальше? Каков прогноз? – Максим к тому времени успокоился, ему действительно было интересно.

– Все что угодно. Атаки бывают каждый месяц, чаще всего раз в два года, а могут и вообще не повториться. Пострадать может любой орган, где есть нервы, а нервы есть везде, кроме ногтей и волос. После недельной инъекции стероидов восстановление на 100... 50... 0 процентов...

Доктор Шварц распушил седые усы и, после паузы, продолжил:

– Уколы интерферона-бета снижают вероятность появления новых белых точек на 30-40 процентов, но... Сам понимаешь – побочные эффекты.

Максим, помедлив, спросил:

– И... Как себя вести? Что делать, чтобы как-то ослабить это?

– Молись...

7

...Улица заметно опустела. Сирена продолжала выть. Белокурая молодая женщина пряталась за угловой витриной обувного магазина. Она судорожно сжимала в объятиях малыша лет четырех. Придушенный ребенок не плакал, огромными глазами с ужасом глядя на бегущих людей. Один сандаль отсутствовал. Макс внимательно посмотрел в бледное, некрасивое лицо женщины: «Паника».

– Уважаемая! – закричал он на иврите. – Вы стоите в неправильном месте! Север – там, значит, и ракеты летят оттуда! – он показал рукой. – Бегите в подземный переход, осколки туда не залетят, а от прямого попадания – только молитвы помогают!

Лицо ее ничего не выражало, пустые глаза уставились на мужчину.

«Истерика, – подумал Макс. – Ничего не понимает, надо бы пощечину...»

– По-русски? – Крикнул он.

Женщина кивнула.

– Да ты че, дура, совсем офигела?! – заорал он по-русски. – Бегом отсюда в подземный переход!!! К едреной матери!!! И пацана своего уноси!!! А то я тебя сейчас...!!!

Женщина бежала совсем в другую сторону, таща за руку подпрыгивающего мальчика.

Улица опустела окончательно. Сирена нудно продолжала выть. Раздался взрыв. Еще ближе, чем предыдущий.

«Так и меня скоро накроет». – Максим достал новую сигарету и вернулся в Хеврон, на шесть лет назад...

...– Четвертый от Стойбища, спичка-дырка у вас? Не сломана? Сообщите состояние...

«Спичка-дырка? – изумился Максим – Что это? Все время придумывают новые слова».

Офер обернулся к солдатам:

– Магазины, гранаты, аптечки, все на месте?

Макс и Гай кивнули.

– Максим, не боишься? В первый раз под огнем.

– А чью палатку вчера ночью обстреляли? – возмутился Макс. – Ты, что ли, за ними бегал?

– Обстреляли, обстреляли... Сам, небось, сопел в два отверстия, – улыбнулся лейтенант.

Максим и в самом деле спал, и очень удивился утром, увидев над головой четыре дырки, через которые било солнце.

– Но... но... мне такие кошмары снились!

– Ладно, к делу! – Серьезно сказал Офер, и джип остановился.

Раздались редкие выстрелы. Вдруг застучал пулемет.

– Откуда на блокпосту пулемет? – удивился Бузагло.

– Это не их, то есть не наш, почему раньше не сказали? – Офер был сосредоточен. – Ну ладно, без разницы. План таков... – он помолчал, раздумывая. – За поворотом – блокпост. Очевидно, на холме – террористы. Где и сколько – неизвестно. Максим и Гай: идите к повороту и смотрите внимательно – откуда стреляют. Гай старший. Я и Бузагло едем к блокпосту и провоцируем огонь. Когда вы, – он указал на Гая, – определите источник огня, обходите слева и сверху, и уничтожаете их с тыла. Если не попадете под наш огонь – вы в дамках. Все ясно?

Макс задумался. Вроде, все просто, но наверняка будет какая-нибудь заподлянка. Какая? Да... Пока не случится – не узнаешь.

– Рацию берем? – Он кивнул на МК-77 с длинной антенной.

– М-м-м... нет. Ни рацию, ни воду. Максимально легко и тихо. И еще, Гай, меняемся автоматами. Тебе нужна штурмовая винтовка, а мне снайперская. – Офер снял с шеи «Глилон».

– Думаю, ты не прав. – Гай обнял свой М-3, вариант М-16, но с толстым стволом, раздвижными сошками и оптическим прицелом. – Пристрелян-то под меня, тот же М-16, только менее удобный. Нужно магазинами меняться, времени нет, да и вообще, дурацкое дело с чужим оружием в бой идти.

– Ну ладно, как знаешь. – Офер шлепнул ладонью Максима по каске, сжал плечо Гая.– С Богом!

– И вам удачи! – Гай сглотнул.

– Бузагло! – позвал Макс водителя и, когда тот обернулся, поднял сжатый кулак. – С Богом...

8

Согнувшись, они добежали до поворота. Залегли. Осмотрелись.

Дорога. На дороге красные треугольники с восклицательными знаками. Компьютерное кресло, рядом поваленный солнечный зонт. Бетонные кубы. Никого. Тишина. Из-за кубов раздались торопливые выстрелы. В ответ застучал пулемет, ему вторил автомат.

«Знакомый звук. Калаш», – определил Максим.

Гай поднял руку и махнул. Джип взревел мотором и рванул к блокпосту.

Со всех сторон огонь усилился. По бронированной машине застучало. Максим напряженно вглядывался в перелесок на холме, пытаясь определить, откуда бьют.

Джип, развернувшись остановился. Распахнулись двери.

– Не тот угол!!! Назад!!! – заорал Макс.

Гай стукнул его прикладом по каске и приложил палец к губам.

– Поперек надо! Дверью прикрыться, – прошептал Макс.

Высочивший из-под брони Офер сделал два быстрых шага, крутанулся – и упал на спину, раскинув руки. Под его головой быстро увеличивалась красная лужа.

– Блядь! – Максим закусил губу и почувствовал вкус крови.

Бузагло швырнул дымовую гранату и, не дожидаясь пока дым поднимется, бросился к Оферу. Вокруг бегущего водителя заплясали фонтанчики пыли. Внезапно его отшвырнуло назад. Дым застлал машину и блокпост.

– Блядь. Блядь, – пробормотал Максим.

«В бронезилет попало. Из автомата не пробьет, а из пулемета?»

– Блад, – согласился Гай. – Максимка, слушай внимательно, теперь каждый сам за себя. Через минуту дым рассеется, и, если Бузагло жив, его добьют. Я к машине, оттащу их за джип и попробую козлов достать. У меня ведь М-3. Ты их высмотри, – и наверх. Не убьешь, так отвлечешь, а скоро вертолеты будут.

Максиму мучительно не хотелось идти туда одному. Но выхода действительно не было. Вдруг возле джипа разорвалась еще одна дымовая граната.

«Жив водила!» – обрадовался он.

– Слава Богу, – прошептал сержант.

Дым загустел, и оттуда раздалась очередь. В ответ – сверху – зачастил пулемет. Гай, сидя на одном колене, водил стволом снайперской винтовки.

– Есть! Нашел! – громко зашептал он.

– Где?

– Прямо под кривым деревом. Он у меня на кресте, пулеметчик хренов.

Макс посмотрел наверх, кривое дерево недалеко, метров 250, но больше он ничего не увидел.

– Бей, – сказал он.

– Нет уж! – Кровожадно ослабил Гай. – Одно подстрелю, остальные уйдут. Не-е-ет, они мне все, гады, нужны. Готов? Ориентир – кривое дерево. План прежний.

Они отползли за поворот и встали.

– Жаль, воды нет. – Гай поправил жилет. За поворотом виднелся джип, к нему вел кровавый след. Бузагло оттащил тело, и сам спрятался за машиной.

Макс попрыгал. Ничего не звенело и не брякало. Скрытность сейчас жизненно важна. Гай боднул Максима. Каски столкнулись с глухим стуком.

– Готов?

– Попрыгай.

Сержант попрыгал. Каска сползла на ухо. Макс подтянул ему ремешок.

- Готов. – Максим внезапно осип.
 - Ну, да поможет нам Бог.
 - Амен.
- Они пошли...

9

Он выкинул окурок.

«Капиталистический сюрреализм», – Максим посмотрел на красную спортивную Audi с работающим мотором. Передние двери распахнуты, приглашая в уютное, кожаное нутро.

«Живут же люди, – без зависти подумал он. – И бензин не экономят...»

– Цдака, цдака! – Пожилой человек, вышедший из подворотни, протягивал руку.

«Ну, ничего себе! Нашел время!» – Макс с недоумением посмотрел на него.

Бомж был живописен. Старческие одеревеневшие руки с выпуклыми округлыми костяшками сплошь покрыты затейливыми татуировками. Одна из них, несмотря на жару, в шерстяной перчатке с отрезанными пальцами. Красный грязный жилет и широкополая прорванная шляпа. И обувь. Максим залюбовался – щегольские, но очень старые замшевые полусапожки с острыми носами и большими медными пряжками.

– Я же вижу, вы ведь в Бога верите? – сказал нищий по-русски.

Макс хотел сделать вид, что не понимает, но старик его заинтриговал. Еще под бомбежкой просить милостыню!

– Пожалуйста, хочу купить курицу на шабат! – Дед смотрел жалобно.

– А белая рубашка у вас есть? И какое отношение вы имеете к шабату?

– Да ладно тебе, я знавал многих евреев, все они были хорошими людьми. Я даже одному додику помогал в лагере. – Бомж подлизывался к Максиму. – А водка здесь хоть и дешевая, но не бесплатная.

Он потянул за поводок и Максим увидел собаку. То есть это была не совсем собака. Морда со скошенным носом скорее напоминала кошачью, длинное, низко посаженое тело с короткими крысиными лапами. Но больше всего напоминал крысу длинный безволосый хвост.

– Ксюша, девочка моя! – Старик погладил уродливую голову.

Собака вывалила узкий розовый язык, черными бусинками просяще смотря на Макса.

«Ой, Боже ж мой, бывает же такое! Велик Господь, такое сотворить!»

– Вон, хочешь, машину бери. – Максим кивнул на брошенную «Ауди» и протянул нищему пять шекелей.

– Благодарен. Машина нам ни к чему, – с достоинством сказал он и сел рядом с Максом.

– Вася, – представился бомж, протягивая ему руку в перчатке.

– Максим. – Он пожал высохшую кисть: «Ну что ж, вместе веселее».

10

На вершине холма остановились.

– Три минуты отдыхаем, – тихо сказал Гай, усаживаясь на землю. – Отсюда до кривого дерева сто метров. Когда пойдем, разговоры только руками. Эх, Офер, Офер, без воды отправил.

Макс, тяжело дыша, протирал очки.

– Зато без рации...

– Когда дойдем, бросаем по гранате. После взрыва – на колено и огонь. Пока они оглушены – нужно всех кончать. Мой – крайний левый, твой – крайний правый, потом следующий – твой правый, мой левый. И так далее. Стреляй экономно, я первый меняю магазин, тебе с «Галилем» проще. Нельзя, что бы у нас кончились патроны одновременно.

Максим кивнул.

– Когда всех нейтрализуем – лежать, наблюдать и не вставать, пока я не скажу. Возможно – мы не всех обнаружили. Приготовь гранату и запасной магазин. Очень вероятно, что чумазые сейчас уходят. Не удивляйся, если встретим их. Сними с предохранителя. Готов? Пошли.

Гай поднял руки с выпрямленными указательными пальцами и махнул два раза.

– Псс, псс

11

– Вот ты скажи мне: человек ты не бедный, хорошие сигареты куришь, одет не дешево, уверен в себе. Почему ты здесь сидишь? Жизнь – то твоя не копейка, как моя. – Старик ковырял ногой асфальт.

Макс протянул ему пачку сигарет. Негнущимися пальцами тот вытащил три. Засунул по одной за каждое ухо, оставшуюся закурил, чиркнув спичкой по грязной коробке.

– Ну вот, сижу... – Задумчиво протянул Максим. – Понимаешь, Вася, храбрость – умение бояться, не показывая...

– Боишься?

– Очень, – соврал Макс: «Не рассказывать же ему всю мою жизнь?»

– Ну а чего сидишь?

– Тренируюсь.

– Чего?!

– Волю тренирую.

– Во, блин, блаженный!

– Эт-т точно. Блаженный и есть. – Максим рассмеялся. – На работу не хожу и радио не слушаю. А что мне боженька подаст, то выпью и покушаю, – пропел он.

– Ну, так и я так же. Только денег у меня поменьше. Устроился, значит?

– Устроился, – горько подтвердил Максим.

Недалеко грохнул взрыв. Стекла затряслись, птицы с хлопаньем взлетели. В какой-то машине сработала сигнализация.

Бомж, матюгаясь надтреснутым, старческим фальцетом, побежал, волоча за собой псевдо собаку.

«Вот я и один». – Макс подтянулся и стал вспоминать...

12

...Гай остановился и поднял руку.

Максим опустил на колено и вытер лоб, мокрый от пота, бежавшего из-под каски.

Сержант поманил его пальцем.

Он показал на кривое дерево и на пальцах объяснил: «Пятьдесят метров до цели, отдыхаем одну минуту, ты, – он ткнул Макса пальцем в грудь, – смотришь назад и влево, я, – он показал на себя, – вперед и вправо».

«Что я здесь делаю? – думал Максим. – Я, программист, с чудесной зарплатой, новой машиной, красавицей женой на пятом месяце. Случись со мной что, как она будет, одна с малышкой?»

Впоследствии оказалось, что очень даже неплохо.

«Ведь было достаточно одного факса, чтобы армия навсегда забыла обо мне. Что я, приключений ищу? Почему, какой-то идиот, который и читать-то не умеет, сейчас, возможно, подстрелит меня, знающего 5 человеческих языков, и 26 компьютерных?»

Он знал, что дело не в поисках приключений, они сами находили его с завидным постоянством. К тому же Максим сознавал, что ценность человеческой жизни не определяется количеством выученных языков.

Но... когда он узнал свой диагноз, решил не менять ничего в своей жизни, сделать вид, что это была ошибка и больше никогда, ничего не будет. Он никому не говорил об MS, даже своим родителям. Единственный человек, кроме врачей, который знал об этом – была его жена.

«Эх, Наташа, Наташа... – думал он с тоской. – Как я люблю тебя»...

Макс посмотрел вниз. Пустынный блокпост – как на ладони, метров 300. Возле дерева передвигалось красное пятно. Он тронул сержанта за плечо и отрицательно покачал пальцем. Максим так волновался, что, казалось, больше не выдержит. Он ткнул двумя пальцами в очки и указал на пятно. Гай поднял автомат и стал смотреть через оптический прицел. Затем, улыбаясь, обернулся, поднял большой палец и пояснил: «Вижу одного. 40 метров. Следующий переход 20 метров. Готов?»

Макс кивнул.

– Псс. Псс.

...Они остановились на расстоянии броска гранаты до врага. Террористов было двое. Левый, в красном платке, свернутым в полоску и обвязанным вокруг лба, типа Рэмбо, целился из пулемета.

«Маскировочка, блин. Фильмов насмотрелся». Сердце билось так сильно, что, казалось, слышно на блокпосту.

«Жди! – Показал Гай. – Думаю, их больше».

Правый, цель Максима, сидел под деревом и набивал магазин. Калашников лежал рядом.

«Приготовить гранату». – Жестом приказал сержант и прижал палец к губам, предостерегая автоматический вопль «Римон!!!» («Граната!!!») после броска. Затем он поднял левую руку с растопыренными пальцами.

«Пять, четыре...» – он загибал пальцы, держа в правой гранату без чеки. Максим с удовлетворением отметил, как побелела сжимающая гранату рука. «Надеюсь, они заняты, отбросить не успеют, – отрешенно думал Макс. – Очень уж длинные запалы у израильских гранат. Четыре секунды».

«Три, два, один»....

Они метнули гранаты и бросились на землю. Четыре секунды казались вечностью. Наконец, оглушительный сдвоенный взрыв. Вскочив, они открыли огонь. Макс стрелял одиночными, в едва различимую в поднятой пыли фигуру. С такого расстояния промахнутся невоз-

можно, но, тем не менее, Максим тщательно целился в дергающееся от ударов пуль тело. Пыль оседала. Когда Гай стал менять магазин, Макс перенес огонь на уже явно не живого пулеметчика.

– Меняй! – крикнул Гай, и он тренированным движением сменил магазин на подготовленный заранее.

– Хададь! (Прекратить огонь!)

Они затихли, прислушиваясь.

Снизу раздалось несколько выстрелов.

«Куда, в кого, зачем?» – Досадливо удивился Максим. Они лежали еще немного.

– Прикрывай! – Гай поднялся. Пригнувшись, постоянно поворачиваясь в разные стороны, он подошел к телам.

Макс внимательно смотрел по сторонам, не шелохнется ли где куст, не хрустнет ли ветка.

Грохнуло два, затем еще два контрольных выстрела.

Сержант присел, рассматривая обувь убитых.

Затем еще раз обошел полянку, внимательно смотря на землю. Потом разогнулся и сказал нормальным голосом:

– Порядок. Следы двух человек. Этих. – Он кивнул на окровавленные трупы.

Максим подошел к нему, посмотрел на иссеченные осколками, пробитые пулями тела.

«Совсем еще дети. Лет 16-17. Поиграли в войну... Пидоры». – Он прикусил пересохшие губы, вспомнив армейскую мудрость: «13-летняя девочка с РПГ не девочка, а Ракетный Противотанковый Гранатомет»... Многие бы остались в живых, если бы помнили это. Кверху сошками лежал пулемет. Из него змеилась желтая лента.

– «Маг», стандартный пулемет израильской армии. Производство Бельгии, калибр 7.62, скорострельность...

– Какая скорострельность? – заинтересовался Гай.

– Ну... Не знаю.

– Дурак. Скорострельность переменная.

– Точно. Но ты сам дурак, хоть и ориентировался в ситуации здорово. – Максим хлопнул сержанта по плечу.

– Не впервой...

От блокпоста снова раздалась выстрелы.

– Хададь!! Прекратить огонь, верблюды траханные!! Писарюги недоделанные!! – Вопил Гай.

– Нихт шисен. Их капитулирен, Гитлер капут!! – Дурачься, вторил ему Макс.

– Хададь!! – Закричал снизу девичий голос.

«Ничего себе! – Удивился Максим. – У писарей-то девушки. Хорошо устроились».

Он понял, что значит «спичка-дырка».

Гай подбежал к просвету.

– Э-э-эй! Дорогая, не уписалась!?

Девушка вышла из-за бетона. Бронежилет, легкий, не керамический, растянут.

«Только от ножа и помогает», – подумал Макс.

В одной руке каска, в другой короткий М-16. Макс залюбовался некрасивым, грязным лицом. Русые волосы растрепаны.

– Не твое дело, мánьяк! – Ее голос дрогнул. – У меня тут, может быть, месячные, а вы тут балаган устроили! – она бросила каску и, схватив с бетона фляжку, стала жадно пить, успокаиваясь. Вода лилась по ее лицу. – Спасибо, конечно...

«Мы устроили?» – удивился Максим.

– А причем тут мы? – Закричал Гай.

– Почему так долго ехали?! – И она, роняя автомат, зарыдала, по-бабьи подвывая.

«Еще Офера не видела. Истерика гарантированна. Не место тут женщинам. Впрочем, и не для кого вообще», – расстегивая каску, подумал Макс.

Снизу заскрипела рация:

– 23 маленьких с начала столкновения. – Так же спокойно вещал оперативный. – Четвертый верблюд. Таиланд?

– Здесь Четвертый верблюд. Таиланд. Две сломанные спички.

– Сорок второй?

– Здесь извозчик сорок второго. – Заговорил Бузагло. – Бугор сорок второго сгорел. Таиланд столкновения.

– Где Подбугорок сорок второго?

– Подбугорок наверху, со сгоревшими чумазыми. Это он их сжег. Он и русская спичка.

– Их состояние?

– Вроде целы.

– Принял.

Максим смотрел, как из приземлившегося вертолета с красным Маген Давидом выскочили и побежали солдаты с носилками. Бежали к заграждению, видимо, зная, что к Оферу можно не спешить...

– Всем станциям Стойбища от Стойбища, внимание! Всем станциям Стойбища от Стойбища...

Макс слышал, как ушло напряжение из деланно спокойного голоса оперативного.

– Всем силам Стойбища от Стойбища, Таиланд столкновения, повторяю Таиланд...

* * *

бугор – командир

подбугорок – заместитель

колеса – автомобиль

полезный и вредный вертящиеся – санитарный и боевой вертолеты

тяжелый – танк

полутяжелый – бронетранспортер

таиланд – конец, окончание

чумазый – террорист

13

Максим повернулся.

Гай, уже раздевшись до пояса, лежал на куртке и жевал травинку.

– Курить есть?

– Нет, а у тебя? – Макс с остервенением срывал ненавистное железо. На траву полетели автомат, каска, бронежилет, разгрузочный жилет с карманами, полными магазинов, гранат, бинтов и прочей полезной дряни.

Полегчав килограмм на 25, он стал прыгать. Напрыгавшись, он сел возле Гая.

– А Бузагло-то. – Гай смотрел в небо. – Неделю теперь с синей грудью ходить будет.

– Почему с синей? – Макс не понимал.

– Синяк знаешь какой? Что Маг, что «калаш», калибр 7.62. Видел, как его откинуло?

– Видел.

– Надо сказать, чтоб сфотографировался. Потом никто не поверит, что он пулю животом поймал.

– Угу.

Гай замолчал, думая о другом.

– Представляешь, как ему обидно?..

Максим вопросительно посмотрел на сержанта.

– Столько времени таскать это дерьмо... – Он кивнул на 12-килограммовый пуленепробиваемый бронежилет. – И получить пулю в голову....

14

Сирена на мгновение прекратилась, но вскоре завывала снова. «Следующая – моя», – Максим был уверен в этом. Стало легко и спокойно. Сколько ему осталось? 10 секунд? Минута? Он поднял к небу лицо и закричал:

– Великий Боже! Прости мне мои грехи! Ведь в основном мои грехи – на тебя! И ты можешь их простить! Я старался не грешить против людей! И если сделал кому-то зло – то без умысла! Я готов!

Максим рассмеялся. Хватит. Приехали. «Ну, где она? Где ракета?!» Далеко на горе бухнул взрыв.

«Тьфу», – Максим облегченно-разочарованно вздохнул и снова стал вспоминать ту далекую историю...

15

– Максимка, будь другом, поищи воды. У этих бойскаутов должна где-то быть...
Максу не хотелось вставать, а он как-то не подумал, что раз сержант хочет, пусть сам и идет. Правда, и его немилосердно терзала жажда.

– Ты с ума сошел? Вода у них наверняка отравлена.

– Думаешь, они пили отравленную воду? Или предвидели, что солдаты их убьют и захотят напиться?

– Ну... Все равно, у них в воде полно бактерий, хочешь заразиться брюшным тифом?

Гай разозлился.

– Слушай, не пудри мне мозги, воду мы получаем из одной трубы. Не хочешь идти, так и скажи, я пойду.

– Почему сразу не пошел?

– Вставать не хочется. Ладно, все равно военную полицию ждать. Скажут: «И зачем это вы убили двоих детей»....

Гай был недалек от истины.

На следующий день Макс прочитал в газете, что террористы обстреляли блокпост, убив одного и ранив троих. Ответным огнем наши солдаты застрелили двоих детей двенадцати лет, игравших неподалеку.

С тех пор Максим никогда не смотрел телевизор и не слушал радио по своей воле.

– Гай, ты хорошо его знал? – Макс растянулся рядом.

– Офера? Ну... Примерно как тебя, три месяца в милуиме (резервная служба, в боевых войсках 28-30 дней), правда, месяц жил с ним в одной палатке.

Он посмотрел на Макса думая, что бы он почувствовал, если бы Максим был бы на месте Офера.

– Хороший мужик, лет сорока, четверо детей, уже сирот. Учитель математики из Тель-Авива. Говорил, что у его учеников есть только два органа – член и желудок...

Он перевернулся на живот и замолчал.

– Гай? Гай?

Максим увидел, как трясется его тело, затем услышал звуки рыдания.

Он подполз к сержанту и стал гладить его по затылку.

– Все хорошо, Гай, все хорошо... – приговаривал он, вытирая слезы...

16

...Мир вокруг Максима лопнул. Его с силой бросило на асфальт. Запахло гарью. На голову посыпались комки земли и белая пыль. Он открыл глаза. Очков нет. Перед глазами белый окурок с кольцом помады. Близоруко прищуриваясь, Макс наблюдал полет неизвестно откуда взявшихся в таком количестве газет. Нереальная тишина. Он поднялся и сел на скамейку с выбитой спинкой, отряхнул лицо, зажал нос и с силой дунул.

Слух вернулся. В голове звенело. Где-то истерически подвизгивая, причитала по-арабски женщина. На одной ноте кто-то выл, видимо, раненый.

«Как бы кровью не истек, остановить бы надо». Но тут Максим ничем не мог помочь. «Ладно, если в армии был, сам знает. А араб или ортодокс? Ну... кто-нибудь придет».

Со всех сторон визжали, лаяли и свистели автомобильные сигнализации, гудела сирена воздушной тревоги.

На другой стороне улицы неспеша осыпалась витрина обувного магазина, за которой минуту назад пряталась некрасивая женщина с ребенком.

Он тронул голову. Его любимая бейсбольная кепка исчезла. Хорошо, что рюкзак был на плече.

На асфальте, среди куч мусора, которых раньше не было, валялись металлические шарики. Стена напротив испещрена оспинами от их ударов. Макс еще раз внимательно осмотрел себя. Чудо. Он не ранен.

Обернувшись, он увидел причину этого чуда, – покосившуюся бетонную тумбу. Она приняла на себя град осколков, предназначавшийся Максиму.

«Спасибо», – поблагодарил он тумбу.

«Спасибо, Бог», – Макс прижал руку к сердцу.

За тумбой, метрах в пятидесяти, глубокая воронка и два горящих автомобиля. Красно-черные столбы поднимались от них к пронзительно синему небу.

Он нагнулся и подобрал жменю горячих шариков. Сувенир. Сколько видит глаз – ни стекол, ни трис (жалюзи), ни штор. Только черные провалы окон. Макс достал помятую пачку сигарет. Осталось три, одна из них поломана. Оторвав у поломанной фильтр, он закурил. «Мальборо» без фильтра было крепким и неожиданно ароматным. Он оглядел улицу, сплошь запруженную брошенными, покрытыми белой пылью автомобилями.

«Как же теперь амбулансы проедут? Нужен бронетранспортер – машины распихать, или хотя бы тяжелый грузовик».

Максим попытался поднять парализованную ногу, нога немножко шевельнулась.

«Ну-у, прогресс», – обрадовался он. Он поднял ногу руками и закинул за правую.

«Порядок, – подумал он, – выгляжу как нормальный человек, сижу себе, курю, дисциплину не нарушаю... А что вокруг бардак – то я не виноват».

Снизу по улице вприпрыжку бежал знакомый бомж. На поводке он тянул выдрокшку. Под мышкой блок «Кента». По-собачьи тьякая, тварь быстро семенила короткими, широко посаженными лапами.

Черный, резиновый хвост прижат к брюху.

Максим обрадовано замахал ему рукой.

– Живой? Не ранен? – закричал он.

Бомж показал на уши, мол, не слышу, затем на блок сигарет и махнул на ларек с выбитым окном.

«Вот и первый мародер. Имя твое неизвестно, но сигареты твои хороши...»

Бомж поравнялся с Максимом и заорал:

– Все сидишь и куришь? Типа ничего не происходит? Типа тебе все равно? Все куришь и куришь. Ты и в гробу курить будешь!

– Ну, пока-то я живее всех живых! – Макс улыбнулся, и живописная парочка скрылась за поворотом.

Появился открытый зеленый трактор «John Deere», совсем как на банке консервированных помидор, только вместо улыбающегося кибуцника в румынской шапке за рулем сидел унылый пожилой негр с незажженной сигаретой во рту. Трактор осторожно раздвигал машины, давая возможность проехать двум амбулансам с выключенными сиренами. Максим пошевелил левой ногой. «Могу!» – и, увидев среди мусора старую швабру, запрыгал к ней.

«То, что надо».

Швабра была коротковата, щетина колола ладонь, но все равно, с ней можно было передвигаться, дойти наконец-то до подземного перехода.

Макс доковылял до ограбленного бездомным ларька. «Прежде всего, вода и сигареты». Он взял из разбитого холодильника бутылку, положил на кассу пятишкелевую монету, затем вытащил из разорванной коробки пачку сигарет, забрал монету и положил зеленую двадцатку.

Деньги, скорее всего, заберет какой-нибудь, очередной бомж, но это будут его проблемы, а воровать после случившегося чуда казалось кошунственным.

Сирена не унималась, и в подтверждение прозорливости службы тыла вдалеке раздались несколько взрывов.

В конце концов Максим доплелся до подземного перехода.

17

Ему повезло. Вход в переход был пологим, без ступеней. Волоча ногу и опираясь на швабру, он спустился под землю. В самом начале благообразный белобородый старик с приемником схватил Максима за грудки и, трясая, закричал на иврите:

– Ты слышал, что они творят?! Попадание в железнодорожную станцию, восемь убитых, десятки раненных!! Они были на работе! Почему не объявляют войну?!

Макс хотел возразить, что смерть дома немногим приятнее, но почувствовал страшную усталость и грубо отстранил старика. На полу сидели люди. В основном женщины и дети, время-то рабочее, а страна не на военном положении. Он нашел свободный просвет, уперся спиной в стену и стек на пол. Все мышцы болели, в голове еще звенело, на душе – ужасно. Максим провел ладонью по лицу и посмотрел на руку. Она была черна. Трубочист... Рубашка порвана, нога не ходит, домой добраться невозможно, но... Но у него есть вода и сигареты, а значит – все не так уж и плохо, жить можно. Он распечатал новую пачку.

– Эй, друг, дети здесь, вентиляции почти нет, подожди, пока выть перестанет...

Молодой хасид с ярко рыжей бородой и спящей девочкой на коленях сочувственно смотрел на инвалида.

Макс почувствовал симпатию к религиозному.

– Пить хочешь? – Максим достал бутылку.

– Ей надо, – хасид кивнул на девочку и облизал пересохшие губы.

– Ей тоже хватит. Там наверху, киоск, если не боишься, возьми сколько унесешь, заплатишь потом, – добавил Макс, зная щепетильность хасидов в этих вопросах.

Рыжий схватил бутылку, и стал жадно пить.

Девочка застонала во сне и проснулась.

– Гудит? – сонно спросила она. – Значит, домой еще не идем?

Рыжий протянул ей воду. Девочка отрицательно покачала головой.

Максим достал из рюкзака игрушки, предназначавшиеся Амалии, протянул ей куклу, сам взял лошадь.

Девочка осторожно рассматривала доставшеюся ей Барби.

– Это не скромно, – она показала на короткую юбку.

– Дело в том, что когда она проходила по Адару, то увидела раненного мальчика... – неуклюже начал Максим.

– А что с ним было? – заинтересовалась девочка.

Хасид толкнул Максима локтем в бок и скорчил гримасу.

– Ну, короче, юбка и порвалась. А как тебя зовут?

– Хая-Мушка, а тебя?

– Максим, а лошадку – Тугрик, она раньше жила у злого волшебника Маодзедуна.

Он откинулся к стене и на крепко зажмуренных глазах выступили слезы. «Амалия, Амалия, кто сейчас играет с тобой? Кого ты зовешь папой?» Даже фотографию не дала ему Наташа, несмотря на решение суда.

Он собрался, вытащил сигареты и сказал рыжему:

– Я на улицу. Посмотрю, что там нового.

– Да кури здесь, Мушка потерпит, ты же еле ходишь.

– Ничего, курить это не мешает... Ладно, компромисс, останусь здесь, но курить не буду.

– Вот и чудесно, а я расскажу, как евреи выходили из Египта...

– Давай лучше помолимся, – и, не дожидаясь ответа, с непокрытой головой, прикрыв глаза грязной ладонью начал:

– Шма Израэль, Адонай Элмейну...

Наступила тишина, тоненькая девушка с иссиня черными волосами подхватила: – Адонай Эха-ад.

Хор голосов подтвердил: – Амен.

Хасид встал и, достав из кармана черного халата маленькую книжку, начал:

– Псалом двадцать два. Песнь Давида.

Раскачиваясь, он запел. Он читал в полной тишине, и только Хая-Мушка тихонько возила лошадку, что-то ей рассказывая. Все внимательно смотрели на рыжего, кто-то шевелил губами.

– Мой Бог, мой Бог! Зачем ты меня оставил? Ты далек, чтобы избавить меня от моего надрывного вопля. Мой Бог! Я взываю к Тебе днем, но Ты не отвечаешь. И ночью я не смокну. Святой, Ты обитаешь среди гимнов, возносимых Тебе Израилем. На Тебя уповали наши отцы, полагались на Тебя, и Ты вызволял их. К Тебе взывали и спасались, на Тебя надеялись и не оскрамлились...

Максим прикрыл глаза. Пение рыжебородого убаюкивало его. В общем-то, это было не совсем пение, как и псалмы Давида – не совсем стихи. Собственно стихи начали складывать древние греки, которые захватили Израиль лет через 800 после Золотого Века еврейского государства, времени правления царя Давида и его сына, царя Соломона.

– ...Не отдаляйся от меня, ибо близка беда и некому мне помочь...

Макс открыл глаза, оглядывая в полумраке подземного перехода людей, внимательно слушавших о переживаниях человека, умершего 3000 лет назад.

Сидящая напротив него старуха в инвалидном кресле заснула. Максим с интересом посмотрел в ее лицо. Обтянутый морщинистой кожей череп сверху был покрыт жидкой седой шевелюрой. Она открыла беззубый рот и с шумом дышала. Губ практически не было. Вместо них розово-синие рубцы, очерчивающие провал.

– ...Ибо окружили меня псы, злобная толпа обступила меня, терзают мои руки и ноги, как львы. Пересчитать можно мои кости, они смотрят на меня и пожирают глазами. Делят между собой мои одежды, бросают жребий. И Ты Господь, не отдаляйся! Ты – моя сила. Поспешите мне на помощь! Избавь мою душу от меча. Вызволи из псовых лап. Спаси меня из пасти льва, и от рогов буйвола. Ты мне ответил! Возвещу Твое Имя моим братьям! При стечении народа буду прославлять Тебя. Благоговейте перед Ним, все семя Израиля!

Максим подумал, что вой сирены воздушной тревоги – прекрасная иллюстрация к этому псалму, и снова взглянул на старуху. Он не мог представить, что когда-то эта женщина была красивой, рожала детей, танцевала.

«Сколько же ей лет? – думал он – Никак не меньше девяноста».

Сидящая возле нее на полу молодая филиппинка поднялась и поправила плед, прикрывающий, несмотря на жару, ноги старухи.

«Забавно, – он невесело улыбнулся, представив, как женщина вздрагивает при звуках взрывов. – Она ведь тоже смерти боится...»

– ...Ибо не презрел и не отверг Он, – продолжал хасид, – зова обездоленного. Не скрыл Своего Лица от него...

Взгляд упал на ее руку. Казалось, что кость обернули желтой бумагой с коричневыми пятнами. Бумагу предварительно долго-долго мяли. Из-под задравшегося рукава виднелся конец татуировки. Максим близоруко прищурился. «2409» – разобрал он. Номер из концлагеря. Макс устыдился мысли о том, что она боится смерти, несмотря на то, что старухе в любом случае скоро туда.

«Сколько же перенес этот человек родившийся в начале 20 века в Румынии, Польше или России? – Он попытался представить. – Революции, войны и погромы, погромы, погромы...» На протяжении 3000 лет истории его народа люди уничтожали евреев с жестоким азартом любопытных детей, убивающих беззащитную кошку или птицу, потерявшую возможность летать. Больше всех преуспел, конечно, Гитлер, но и другие старались. Он вспомнил Богдана

Хмельницкого и 60 000 убитых в его погромах. Подумал о том, как Сол Беллоу писал о евреях, которые пережили концлагеря и вернулись в Польшу для того, чтобы погибнуть от рук их бывших соседей, не желавших возвращать их дома и имущество.

«Да... Плата за избранность... Многие бы хотели отказаться и от того, и от другого. – Он почесал грязный нос. – Но тут уж никуда не денешься. Родился евреем – евреем и умрешь. Позабить не дадут. Сколько бы полумесяцев и крестов не нацепи. Наверное, лучшее доказательство существования Бога – это то, что мой народ до сих пор жив. Несмотря ни на что... Даже свою страну имеем. Маленькую, правда». Взгляд снова упал на запястье старухи. Молодая азиатка хлопотала вокруг спящей женщины.

– ...Вспомнят и вернутся к Господу со всех краев земли, и склонятся перед Ним все семьи народов. Ибо Господу – царство, и Он властвует над народами. Насытятся и склонятся перед Ним все тучные на земле. Склонятся перед Ним все сходящие в прах. Но души их Он не оживит...

Старуха всхрапнула и проснулась. Она пристально смотрела на Максима водянистыми глазами, и он поежился от ее взгляда. Потом не выдержал и отвернулся. «Хорошо, согласен, я не прав...» – Макс подумал, что несчастья, которые обрушились на его голову, – ничто, по сравнению с тем, что, скорее всего пережила эта женщина за последние 90 лет. «Но кто может сравнивать страдания двух разных людей? Тем более в разное время? Может, мне нужно подойти к ней, обнять эту бабушку и сказать ей что-то хорошее?» Он отказался от этого намерения при мысли, что старуха может испугаться, да и филиппинка, скорее всего, оттолкнет его, вереща что-то на своем птичьем языке. О преданности этих азиатских сиделок ходили легенды. «Ладно. Хватит с нас экстремальных ситуаций. Все и так на взводе».

– ...Через тех, кто будет служить Ему, расскажут о Господе в поколениях. Придут и расскажут о Его справедливости. Рожденному народу о том, что Он сделал.

Хасид замолчал.

В наступившей тишине раздался отчетливый шепот девочки.

– Все хорошо, Тугрик. Злой волшебник убежал, не бойся. – Она погладила лошадь пальцем, между пластмассовыми ушами.

– Еще. – Попросил кто-то. Хасид не отвечал. С закрытыми глазами он молча продолжал раскачиваться. Затем снова нараспев начал псалом.

– Песнь Давида... (Хасид, естественно, читал в оригинале, на иврите. Приведенный здесь текст взят из книги «Теилим», перевод псалмов, написанных царем Давидом, Александра Каца.)

Макс умилился подобному единению. Еще в армии он убедился в том, что нет в окопах атеистов. Групповая терапия.

Тихонько он побрел к выходу, доставая сигарету.

18

Наверху было тихо. Постоянно гудящая сирена уже не воспринималась как посторонний звук, стрекотание вертолетов – тоже. Где-то коротко взвыл сиреной амбуланс.

Максим зажал под мышкой швабру и полез в карман за зажигалкой. Полупарализованная нога подвернулась и он рухнул, ломая сигарету.

Не успев подставить застрявшую в кармане руку, он упал на асфальт, разбив бровь об угол бордюра.

Было больно, но лежать удобно, лицо в углу, между бровкой и дорогой. Макс вытер кровь. «Так бы и лежать, пока не сдохну. Как все паскудно. Еще эти ракеты... Перебор, уважаемый Бог, перебор». Он не помнил, когда ему было так плохо. Даже потеряв зрение в первый раз, борясь с безумным ужасом, он знал, что ему делать, второй раз было намного легче, а теперь? Молиться, чтобы рядом не упала ракета? А толку? Уже падала, и что с того? И что изменится завтра? Он попытался шевельнуть больной ногой.

«Инвалид хренов. Ненавижу».

Максим тихонько заснул.

19

– Дяденька, дяденька!!

Голос был тонким, девичьим. Максим повернул голову и увидел перед носом красные туфельки.

– Вы ранены, вам плохо?

Макс крепко сжал зубы, глубоко вдохнул-выдохнул и сел.

– Нет, что ты... Просто отдохнуть прилег.

– Уй! У вас кровь идет! – Та самая девушка с невероятно черными волосами, что подхватила «Шма». Она показала на бровь.

– Брился, – отрезал он тоном, не допускавшим дальнейших вопросов.

Только сейчас он заметил, что сирена прекратилась. Отовсюду начали выходить люди. Заводились машины. Девушка опустила на дорогу рядом с Максимом.

Подбежала Хая-Мушка и, протягивая куклу попросила:

– А можно Тугрик у меня пока останется, ему плохо у злого волшебника.

Макс махнул рукой, и девочка со странным именем убежала.

Он снова обернулся к черноволосой девушке.

«Странно, что она заговорила со мной по-русски, – подумал он. – Хотя нет, слышала разговор с хасидом. Двадцать лет здесь, а акцент неистребим».

– Пить хочешь? – он достал воду.

Она отрицательно покачала головой.

– Сигарету? – Максим жадно закурил.

– Мне страшно, – она уткнулась лицом в колени, плечи задрожали.

Он погладил ее затылок.

– Ну, не переживай, подумай головой. Ничего такого здесь нет, чтобы паниковать. Ну, сколько людей могут погибнуть в Хайфе? Пятьдесят, ну, максимум, – сто. А здесь пятьсот тысяч. Это сколько? Один на пять тысяч. В такую рулетку играть можно.

Плечи задрожали сильнее.

«Уф, подход неверен».

– А ты знаешь, как радар засекает ракету? – Решил сменить тему Макс.

– Да, а кто же этого не знает? – девушка подняла голову. В ее глазах стояли слезы. – Еще и вам могу рассказать. У меня по электронике курс в Технионе.

Он внимательно взглянул в ее лицо. Обычно, если он смотрел на девушек без очков, они все казались ему прекрасными, если, конечно, вписывались в допустимые габариты. Макс это знал и давно решил, что дело в элементарной гормональной интоксикации. Но эта была более чем хороша. Невероятно черные волосы, густые, сросшиеся брови, да и взгляд не такой уж наивный, как казалось раньше. А главное – ее лицо было чистым. Такие чистые лица он видел разве что в журналах.

– Максим, – представился он и протянул грязную руку.

– Рита. Очень приятно.

Ее пожатие было неожиданно сильным. Слезы высохали.

– Вы хороший человек. Да?

Максим расхохотался.

– С чего же ты это взяла? Спасибо, конечно.

– Я видела, как вы играли с чужим ребенком, плохие люди так не могут. Как вы молились, а потом... вы не хотели мне рассказать, почему вы там лежали, не хотели меня напугать, да?

Максим задумался, бывает же такое, кому-то есть до него дело.

– Просто споткнулся и упал, а вставать не хотелось. Проблем у меня много, вот лежал и думал... Спасибо тебе, милая.

– Максим, а можно вас попросить? Вы ведь воевали, да?

– Приходилось.

– Видно, что вы храбрый. А я трусиха жуткая. Вы можете проводить меня домой? Это не далеко, верхний Адар, минут пятнадцать.

В ее голосе была отчаянная просьба и страх, что он откажет. Максим печально улыбнулся. «Ах, если бы, если бы». Он постучал по асфальту шваброй.

– Не могу, плохой из меня ходок.

– Не хотите? Я не могу одна!!!

«Еще чуть-чуть, и разревется».

– О`кей. Сама спросила. Видишь ли, моя левая нога не ходит. Счастье, что я могу, опираясь на нее, перенести правую, а потом подтащить левую, и снова. Война – плохое время для инвалидов. Ты, Рита, мне очень симпатична, но не могу...

Она с ужасом уставилась на Максима.

– А... это пройдет?

– Все может быть... Правда, до сих пор ни у кого не проходило.

Рита придвинулась вплотную к Максиму и, посмотрев в его глаза сказала:

– А давайте пойдем пока вместе, вы будете опираться на меня, а мне с вами не страшно.

Хорошо?

Он улыбнулся.

– Хорошо. Но на «ты». Ладно?

Рита кивнула.

– Тогда пошли.

Он встал, и, обняв девушку, заковылял.

Максим улыбнулся, вспоминая, как полчаса назад он малодушно думал о смерти.

«Как слаб бывает человек», – ухмылялся он, – «когда он, парализованный лежит под бомбежкой»...

20

Странно, но, обняв девушку, идти было менее удобно, чем одному. Но... Как же отпустить? – Сколько же тебе лет, Рита, что ты в Технионе учишься? Извини, конечно, за вопрос.

– А что здесь такого? Восемнадцать и два месяца. Уже совершеннолетняя. Могу пить водку и играть в карты. А в Технионе... Только один курс. Армия оплатила. – Она с вызовом посмотрела на Макса. – Да. Я теперь сама за себя отвечаю. Уже самостоятельная и половозрелая!

– Ну-ну... – Ухмыльнулся мужчина. – 18 лет – опасный возраст. Сил много, а мозгов мало...

– Это у меня, что ли? – Рита не решила, стоит ли обижаться.

– Ну не у меня же. – Максим решил играть роль старого мудрого друга. – У меня мозгов много, да вот сил мало. Ну ладно, не хмурься, я просто завидую. Ну и когда же ты призываешься?

– 24 февраля. Вот курс закончу и пойду. Авиация.

– Самолеты? Вертолеты?

– Прицелы. Но куда, еще не знаю. Боюсь ужасно, оружие еще в руках не держала.

– Ничего, – успокоил Максим, – настроляешься. Родину любить – не березки целовать.

Или что там у нас, кактусы?

– Придумаешь тоже, кактусы целовать!

– А-А! Это из фольклора Советской армии.

Максим вспомнил, как они, маршируя по плацу орали:

«Росси-я. Родимая моя.

Родны-е. Березки-тополя.

Как дорога ты для солдата.

Родная русская земля!»

Правда, грузины и узбеки, чеканя шаг, горланили:

«Как задолбала ты солдата, родная русская земля».

Их не было слышно в общем крике, но их самих это очень веселило.

– Кстати, а куда мы идем?

– Вон видишь высокие дома? Туда. Надо добраться до следующей атаки.

– Что, будут еще стрелять? – забеспокоилась Рита.

– Обязательно! – пообещал Макс, – Но даже если нет, нужно действовать, принимая в расчет худший вариант. Командир убит! – закричал он.

Рита дернулась, но, глядя на смеющегося Максима, успокоилась.

– Там пересидим до вечера. Ночью не стреляют, авиации бояться. Хорошо, что я как раз книжки поменял. Ты что любишь читать?

– Ну-у, вообще-то, лучше фильмы. Или хороший детектив...

Максим поднял ее руку, стал напротив и внимательно посмотрел в черные глаза. Затем постучал костяшкой согнутого пальца по ее лбу.

– Звук нехороший. Сплошной Гарри Поттер. Хм-м. Да-а-а. Киндзабуро Оэ исключается, Андрей Платонов тоже... Что же тебе дать?.. А-А!.. Отлично! Кена Кизи читала?

– Н-е-ет.

– Фильм был, правда старый, «Полет над гнездом кукушки», смотрела?

Рита не отвечала, поджав губы. Макс понял, что она готова заплакать.

– Тебе понравится. Отличная вещь. Хорошо, что сдать забыл. Я с Кизи не согласен, но написано здорово. Потом поговорим об этом.

Она успокоилась, Максим снова оперся об нее.

Вокруг было спокойно, птички чирикали, как будто ничего и не было. Рите было тяжело тащить Максима, но оставалось уже недалеко.

– Но зачем высотное здание, ведь скорее в него попадет ракета? – спросила она.

– Чем выше здание, тем глубже подвал.

– И?

Максим озабоченно посмотрел на девушку, не понимающую таких простых вещей. Он поднял палец и глубокомысленно изрек:

– Это тебе не четырехмерные матрицы упрощать, тут жизненная мудрость нужна. Чем глубже подвал, тем толще крысы, а я голоден...

– И-И-И-Х-С, – заверещала Рита, выскальзывая из подмышки мужчины и с отвращением махая руками.

Потеряв опору, Максим зашатался, но, ударив шваброй, восстановил равновесие. Глядя на Риту, он хохотал как ненормальный.

«Как давно я так не смеялся. И над чем? Над глупой восемнадцатилетней девушкой?» – Максим знал, от чего так хорошо смеяться над ней и с ней.

Рита быстро вернулась и взвалила на себя его руку.

– Ну, ты... ты... ненормальный! И как же ты их будешь ловить? Скорее они тебя съедят.

– А я их подманю, у меня дудочка есть.

Рита погладила его окровавленную руку, и они зашагали дальше...

21

Мальчик лет четырнадцати бежал к ним.

– Вы говорите по-русски? – задыхаясь, с надеждой спросил он.

– Нет. – Максим был серьезен. – Ни слова.

Девушка прыснула.

– Но... но как же вы меня понимаете? – растерялся парень.

– Интуитивно.

Рита засмеялась.

– Понимаем, понимаем, чем мы можем тебе помочь?

– Да я тут, видите ли, – он перевел дух, – приехал я, в общем, к тете в гости из Москвы, а тут... а там... потерялся я, хорошо русских нашел, а то не знаю, куда и идти...

– Адрес есть? – Максим говорил твердо, пристально глядя парню в глаза. Мальчик успокоился, видимо, решив, что если есть еще люди, которые знают, что делать, то мир еще не рухнул окончательно.

– Вот, – парень протянул Максиму скомканный листок.

– Ерушалаим 24.

– Ой, сосед! – Обрадовалась Рита. – А я – 32. Это здесь, недалеко.

– Вот и отлично, – сказал Макс потухшим голосом. – Вместе и доберетесь.

– Максим, Максим! – Рита дергала его за руку и просительно смотрела снизу вверх. –

Максим...

– Все хорошо, Ритуш, только идите так, чтобы в любую секунду знать, куда бежать, если завоет. Любой подъезд подойдет.

– Понимаешь... Мои родители уехали в Иерусалим на три дня, я же дома одна умру от страха...

– А что ты предлагаешь? – Макс догадывался, но еще не верил.

– А можно я с тобой, ну хоть на два дня, ну, пожалуйста!

– Смотри, дорогая, человек я холостой, квартира у меня однокомнатная...

– Я на диване посплю, ведь у тебя есть диван?

– Диван-то есть. Ладно, но на нем буду спать я.

– Пожалуйста! Я на диване. А вдруг мне будет страшно...

– Так! – Максим свирепо нахмурил брови, изо всех сил борясь с душившимся его смехом. –

Теудат зеут! (Удостоверение личности!)

Рита с готовностью протянула мужчине синюю книжку.

– Восемнадцать мне, восемнадцать...

– Ну, ты даешь, Рита Вайншток, – проговорил он, глядя на фотографию девочки с черными косичками. – Ну, ты даешь...

– Простите, а как... – заговорил парень.

– Ах да, мы тут обсуждали неурожай в Аргентине, – Максим обернулся к юноше, достал тетрадь, начертил схему. – Идешь наверх, доходишь до перекрестка «ти»...

– Какого перекрестка?

– Там, где нет вперед. Только направо или налево. Поворачиваешь направо, ищешь дом двадцать четыре. Ключи есть?

– Нет.

– Если никого нет дома, спускаешься в подвал и ждешь. Вопросы есть?

– А не заблужусь?

Макс написал русскими буквами: «Ерушалаим эсрим ве арба». Потом дописал – «ейфо».

– Скажешь любому, тебе объяснят.

- А можно я с вами, я не помешаю...
- Максим, у тебя есть еще один диван? – Рита улыбалась, прекрасно зная ответ.
- Больше нет, а ночевать в туалете гостю не позволю.
- Да нет! Мы на кровати, а девушка на диване, или я на диване, а вы и девушка на кровати, или вы на диване, а...
- Так!! – Улыбаясь Максим говорил деревянным голосом. – Разговорчики!!
- Рита смеялась, сверкая белыми зубами.
- Он выдернул листок и протянул пареньку. – Удачи. Привет семье.
- Она закинула на себя руку мужчины, и они заковыляли дальше...
- Стой! – Максим резко остановился.
- Что случилось? – девушка испуганно смотрела в его лицо.
- Есть проблемы.
- Что? Что? – Ее глаза наполнились слезами.
- Макс не отвечал, закусив губу. Потом, передумав, сказал:
- Готовить я не умею.
- И я! И я! – по-детски прыгая на одной ноге, кричала Рита.
- Ладно, чего-нибудь придумаем. Зубная щетка есть?
- Нет.
- Ладно, это совсем не проблема, – он подумал о трех нераспечатанных зубных щетках, купленных для подобных пожарных случаев. Правда, раньше их было больше...
- Когда они почти дошли до высотных домов, снова раздался такой знакомый и такой страшный звук.
- Выла сирена.

22

Девушка со всей силы прижалась к Максиму, спрятав лицо на его груди.

Из глаз ее полились слезы.

– По-по-пожалуйста, не бросай меня, если меня ранит. Ну, если убьет – иди, но ведь сразу не умирают. Ведь сначала должна вытечь кровь? Ты будешь со мной, пока я не умру?

Она подняла к Максиму красные, зареванные глаза. Тот крепко обнял ее, бросив швабру.

На левую ногу уже можно было опираться.

– Все будет хорошо, милая, все хорошо. – Максим поцеловал ее в мокрый глаз, надеялся успокоить своим безразличием к сирене.

Он протянул ей горсть шариков.

– Вот. Держи. Будешь внукам показывать.

– Что... что это? – Рита испуганно заикалась, дрожа всем телом.

– Сувенир. Подарок от Насраллы, этим они заряжают «Катюши», что бы убить побольше людей. На Адаре этого добра навалом.

– Да! Я по телеку видела, – она поднесла руку к глазам. – Ой, какие они тяжелые!

«Вроде, очухалась». Он осмотрелся, толкнул ее к ближайшему подъезду и сержантским голосом скомандовал:

– Туда, и вниз, в подвал, я сейчас...

Сделав два шага, Рита обернулась, и, подскочив к Максиму, ткнулась лицом в его щеку. Он почувствовал ее губы, холодный нос, мокрые глаза...

В душе что-то перевернулось.

По ступенькам, удаляясь, застучали каблучки.

Глубоко вздохнув, он посмотрел вниз, на безмятежное море, на корабли в порту, на серые коробки домов.

Подняв лицо к небу, Максим закричал, перекрывая сирену воздушной тревоги, обращаясь неизвестно к кому:

– И что же это происходит?! И это есть ваша хваленая реальность?! А?! И что же тут реального?!

В море поднялся столб воды, и через мгновение по ушам ударил тугий звук взрыва.

Он нагнулся и истерично захохотал. И чем больше он вспоминал подробности сегодняшнего дня, тем смешнее ему было. Он смеялся над бомжем, над эфиопом в зеленом тракторе, над советом библиотечарше умереть с чувством выполненного долга, над своей непослушной ногой. Смеялся над эфемерной девушкой, готовой прыгнуть в постель незнакомого мужчины в надежде спрятаться там от «катюш», над колючей шваброй, над несостоявшейся встречей с Амалией...

Он хохотал, и слезы катились по его щекам...

Максим икнул и взял себя в руки. Он хлебнул воды, затем, набрав полный рот, выплюнул.

Страшно хотелось курить. Вытащив из рюкзака сигареты, Макс подумал о Рите. Не дождавшись его, она, дрожа от страха, может вылезти на улицу искать. Он с сожалением сунул пачку назад, подобрал швабру и заковылял к входу в подъезд. Невдалеке, почти одновременно грохнули два взрыва. Адар снова затягивало белым дымом. Безумный день продолжался...

P.S. Главное посвящение – Рите Вайншток. Она не пережила эту войну.

Люблю тебя. Пока я жив, ты существуешь. Вечная память.

Твой Давидка.

МИННОЕ ПОЛЕ «СТРАНЫ ДУРАКОВ»

1.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИННОГО ПОЛЯ

Как-то у Армянского Радио спросили:

– Правда ли, что вы все время врете?

– Да, – ответило Армянское Радио. – Но мы всегда врем чистую правду.

Советский анекдот

– Рота, ра-а-вняйсь! Смирно! Та-аришь капитан! Рота связи для утреннего развода построена!

Старший сержант Рублев рывком опустил отдававшую честь руку. Отутюженная, ушитая согласно «дедовской» моде гимнастерка с трудом удерживала его мощное тело. Казалось, при любом резком движении она лопнет, открывая могучие мускулы.

По команде «смирно» солдаты рефлекторно не двигались, не моргали и, казалось, не дышали.

Капитан Старовойтов тоже перестал отдавать честь и проникновенно обратился к неподвижному строю.

– Товарищи солдаты! Дорогие мои воины! В этот тяжелый час, когда над хрупким ростком социализма нависает черная тень американского империализма и чугунный дамоклов меч израильского сионизма угрожает нарушить спокойствие нашей мирной жизни, МЫ!! – Он ударил себя кулаком в грудь с такой силой, что покачнулся. – Как один человек! А... А... А...!! – Старовойтов зажмурился. Лицо его сморщилось. Он напрягся и замолчал. Стоявшие в первом ряду «духи» уставились в окаменевшую рожу командира роты, безрезультатно пытаясь понять, что же происходит под зеленой фуражкой с медным овалом. Задний ряд состоял из старослужащих, которые давно поняли, что логику и смысл в армейской службе искать бесполезно. Нужно просто отмучиться эти два года... А там!.. Свобода!

Стоящий справа от Максима белобрысый уроженец псковской области Федотов толкнул его плечом и подмигнул голубым глазом. Макс поднял брови и улыбнулся.

Пауза затягивалась. Кто-то из солдат мелко, быстро задышал, борясь с приступом смеха.

Стоит кому-то пырскнуть и обвал хохота сможет остановить только пулеметная очередь.

Наконец капитан справился с неведомым недугом и продолжил.

– Уф... Так вот... – Он покосился на подпрыгивающую, грязно-белую собачку по кличке «Дембель», которая стремилась к заднему входу на кухню, подсакивая и семена тремя здоровыми лапами, сокращая путь через плац. – Так вот... Пока мы здесь, не о чем не подозревая, мирно строим себе, этот... как его... комунизм, они там... – Он ткнул пальцем в асфальт, показывая, что если пробить насквозь земной шар, окажешься именно «там», окруженный скопищем врагов, с горящими глазами, крючковатыми носами и жадно растопыренными пальцами. Неизменно в цилиндрах, причем каждый из врагов будет держать в руках по бомбе с надписью «made in U.S.A.». Он повернул голову, с любопытством наблюдая, как трехногая собака перепрыгивает через бордюр, но вскоре вспомнил об ожидающих очередной порции начальственной мудрости. – Там они и варят черную кашу войны... А... А... А...!!

Максим знал, что капитан Старовойтов совсем не глуп, что он прекрасно знает русский язык, и в частных беседах относился к коммунизму, советской армии и родной партии, мягко говоря, прохладно. Просто офицер, несмотря на ранее время, был сильно пьян, оче-

видно, еще со вчерашнего вечера, и в роте подчиненных нашел не смеющую ему возразить или усомниться аудиторию.

– А... А... А...!!

– Ну! – Прошептал кто-то сзади.

– Апчхи!! – Капитана повело, и чтобы не упасть, он ухватился за выпятившего грудь сержанта Рублева. Офицер восстановил равновесие и подозрительно осмотрел богатыря. Сзади кто-то хрюкнул, но обошлось без истеричного смеха. – А чего это ты ушился как гондон? Еще и замкомвзвода.

– Так точно, та-арищ капитан! – В стиле начатого начальством театра абсурда Рублев ответил нелогично. – Какое содержание, такое и наполнение!

– Ну ладно.

Никто не пожелал офицеру здоровья, но Максим был уверен, что скорейшей, и по возможности мучительной смерти, в отличие от пожеланий другим военнослужащим, ночующим дома, ему никто не хотел. Старовойтов был хорошим офицером, и, как не странно, видел в солдатах людей.

Командир роты связи вернулся к центру шеренги.

– Слушай приказ! Задание нам выпало совершенно секретное, я бы даже сказал, особой важности... – Он сделал паузу и провел указательным пальцем от начала до конца шеренги. – Ответственный – сержант Бухайло. Бухайло!

– Я!

– Отбери 12 человек. Инструмент получи у старшины. Работающие получают оружие... – Он задумался, почесал нос, затем, видимо, передумав, продолжил. – Но, с целью конспирации, автоматы остаются в оружейной комнате. Остальные, по команде замкомвзвода, отправляются к местам боевого дежурства и совершенствуются там до обеда в мастерстве. Вольно. Разойдись.

Он махнул рукой и повернулся в сторону штаба.

– Товарищ капитан, товарищ капитан!! – Заверещал Бухайло. – Разрешите обратиться!

– Да? А чем ты по-твоему занимаешься? – Старовойтов нетерпеливо поморщился. В штабе находился постоянно восполняемый запас огуречного рассола.

– Товарищ капитан, а делать-то что?

Капитан глубоко вздохнул и усталым голосом проговорил.

– Я же русским языком сказал : отбери людей, получи у старшины инструмент и вперед. Бухайло сделал непонимающее лицо и спросил.

– Куда вперед?

Офицер снова поморщился и мученическим голосом произнес:

– Бухайло, ну что ты от меня хочешь, Бухайло?

– Задание, товарищ капитан, какое задание? Секретное?

– Секретное? – Старовойтов изумленно воззрился на сержанта, словно впервые увидев его на плацу.

– Так точно! Вы сказали – секретное. Особой важности. А что делать – не сказали.

– Точно. – Старовойтов хлопнул себя ладонью по лбу. – Видишь, такое секретное, что даже не знаю, можно ли тебе доверять, или отправить всех в капонир, спать.

– Э-э-э... – Сержанту очень хотелось подсказать офицеру правильный ответ.

– Ну ладно. Вам предстоит подготовить стартовые площадки для дивизиона ракет Р–233.

– Есть, подготовить площадки! А что для этого нужно сделать?

– Значит так. – Старовойтов вытащил из кармана кителя морковку и с хрустом откусил. –

Нужно выкопать 72 ямы. 6 в ряд. Расстояние между ними – 3 метра. Глубина – метр. Диаметр – сколько получится. Задание на сегодня – 12 ям. Молчи! – Капитан жестом остановил пытающегося что-то сказать Бухайло. – Все вопросы – к старшине! – Старовойтов снял фуражку и почесал голову. – Уф. Какие вы все-таки нудные...

Максим понуро брел к командному пункту связи, не догадываясь, что эти 12 «духов», уныло ковыряющие землю, начинают строительство невероятного аттракциона под названием «минное поле», которое послужит причиной бесконечных шуток и приключений для поколений солдат. Огромное количество матерных слов, смеха и даже плача покроеет эти 72 ямы неуываемой славой и навсегда останутся в памяти, как символ армейского идиотизма. А ведь, как обычно, намеренье было благое.

Командир полка, подполковник Смерть, решил облагородить территорию вверенной ему части, и на пустыре, находящемся между казармой роты связи и командным пунктом, посадить деревья.

Желая осчастливить солдат, страдавших от жестокого авитаминоза, он приказал посадить на глинистой земле 72 яблони.

Но... Как часто бывает в вооруженных силах, цепь случайностей помешала выполнить задуманное, и солдатам, призванным через несколько лет после Максима, не довелось наслаждаться кисло-горьким вкусом мелких, недозревших яблок.

Поручение подготовить место для посадки саженцев было дано горожанину Старовойтову, который не имел понятия, какой глубины ямы требуются для саженцев. Когда, всеми правдами и неправдами начхоз обменял в ближайшем колхозе 50 килограмм колючей проволоки на саженцы, командир полка сменился, а саженцы, сваленные в автопарке, зимы не пережили, весной благополучно сгнили и были бесславно выкинуты на помойку.

Но ямы остались.

По заасфальтированной дороге, от казармы до КП было 530 метров, но напрямик, через пустырь, всего 500. Естественно, никто из заступавших или сменявшихся с боевого дежурства воинов не желал делать такой крюк, и все шли, бежали, ползли (в зависимости от срока службы и степени алкогольного опьянения) через перекопанную территорию, часто с громкими и не всегда радостными криками проваливаясь в ямы, весной заполненные талой, а летом дождевой водой. Дело осложнилось, когда новый командир полка, за менее свирепый, чем у его предшественника, нрав получивший прозвище – Полусмерть, приказал покончить с этим безобразием и засыпать ямы. Виноваты были, как обычно, империалисты. После посадки на Красной Площади легкого шведского самолета, пролетевшего, среди других несчастных, через Воронежский полк ПВО, сирены учебных тревог звучали ежедневно.

Однажды ночью, согласно боевому расписанию, на КП бежал подполковник Полусмерть. Недобежав совсем немного один из главных персонажей солдатских кошмаров рухнул в лунку и, к всеобщему ликованию, сломал ногу. Приказ – привести состояние пустыря к гладкой поверхности, на которой, по меткому выражению Полусмерти, «можно будет кататься на коньках, летом на роликовых, а зимой на ледяных», получил тот же капитан Старовойтов.

В том же подпитии, как и полгода назад, с тем же юмором, он назначил ответственным того же сержанта Бухайло, который отобрал тех же солдат, которые тем же инструментом закапывали ямы, сопровождая работу теми же словами.

И нет ничего странного в том, что их работа принесла те же плоды.

Те же, да не совсем.

Дело в том, что за полгода выкопанная земля куда-то исчезла и для того, чтобы зарыть 72 оригинальные ямы, солдаты вырыли 72 ямы вторичные. Менее глубокие, но более широкие. И если раньше минное поле имело какую-то структуру, то есть было расположено более или менее ровными рядами, то теперь оно напоминало последствие артобстрела. Фантастическим образом ямы не исчезли, а расползлись.

Пройти до командного пункта стало непросто даже днем и в трезвом виде.

И хотя «подорвавшихся», точнее, провалившихся, стало больше, то пострадавших и тяжелораненых стало меньше. И, несмотря на то, что солдаты тяжело переживали гибель белой

собачки по кличке «Дембель», утонувшей в одной из ям, о том, чтобы идти в обход, по дороге, не было и речи.

Прохождение «минного поля» стало делом чести и превратилось в своего рода вид спорта.

Но это было еще через год, а в этот апрельский день Максим надеялся поспать, сидя за коммутатором и уткнувшись в него лбом. Сержант Дюбков, который через 180 дней увольнялся, спал на вожденном столе, после ночных карточных баталий. «Уже совсем скоро, – подумал Макс. – И я буду старшим оператором телефонной станции ЗАС (засекречивающая аппаратура связи)».

Пластиковая крышка стола казалась ему мягче и приятней перины из лебяжьего пуха.

2.

МУЖЧИНЫ БЕЗ ЖЕНЩИН

В подземелье командного пункта связи было прохладно. Сначала Яцкевич зашел к радистам.

В прямоугольной небольшой комнате сидя спали трое солдат. Недавно прибывший Серега Федотов пристраивал свой широкий, псковский лоб возле черного ключа с эбонитовой, круглой верхушкой, посредством которого отстукивалась морзянка. Из четырех приемников доносились накладывающиеся друг на друга точки и тире.

Оглянув еще раз сонное царство, Максим вышел. Он снова поразился возможностям человеческого мозга. Как можно в этой мешанине звуков услышать набор сигналов, соответствующих их позывным? Да еще во сне, не мешкая, тут же проснуться и ответить?! Ситуация усугублялась тем, что позывные менялись каждые четыре часа.

Каким образом радистам это удавалось – было непонятно даже им самим, но факт остается фактом: радист мог не проснуться от телефонного звонка, от ударов кованых сапог в дверь, но от тихой морзянки нужной последовательности в толчее других не нужных – пробуждался всегда.

Он постучал в железную дверь ЗАСа. Спустя короткое время дверь открылась на цепочку. В щели показалось заспанное лицо сержанта Дюбкова.

– Яцек, ты, что ли?

– Я, а кто ж еще?

– А почему неправильным стуком стучишь?

– Я правильным. Там-та-да-там. Это ты неправильными ушами слушаешь.

Виктор снял цепочку и открыл дверь. Он был в наглухо застегнутой гимнастерке, но при этом без штанов.

– Из-за тебя одеваться пришлось, – обиженно прогудел частично проснувшийся сержант. – Иди. Тебе на склад надо. Навазов звонил. Обещал дать буханку хлеба и пачку маргарина. Я просил пару кубиков сахара, но эта раскосая задница говорит, что кончился. Может, на складе стыришь чего-нибудь пожрать. Давай! – Прикрикнул Дюбков на огорченного Максима. – Быстрее! Я голоден! – Максим понуро развернулся. – Не дрейфь! Потом поьем чаю. Я угощу. Хлеб с маргарином! Вкуснотища!

Яцкевич взял молоток и собрался уйти.

Не белый, не черный, а какой-то безвкусный серый, армейский хлеб с трудом казался деликатесом даже голодным солдатам.

– А молоток тебе зачем? – Подозрительно спросил сержант. – И почему ты все время ходишь с инструментом? Ни разу тебя не видел без лопаты или швабры.

– Это чтоб старшина не припахал. Если идешь с ломом, сразу видно – человек при деле. А если без ничего: «Иди сюда, Яцкевич! Давай, помоги грузовик разгрузить». Или еще чего.

– Ну, а если спросит, зачем тебе молоток?

– Придумаю что-нибудь. Например, Старовойтов приказал чего-нибудь прибить. Но никто еще никогда не спрашивал. Видно же, что я занят.

– Умно. Ну ладно, Максим, иди.

Макс поднялся на свежий воздух и побрел к складу. Он шел мимо копающих и поигрывал молотком. Возле пожарного щита он остановился.

Мимо, громко топая сапогами, пробежали десять «духов». Они были похожи, как близнецы, обнажены по пояс и на бегу помахивали гофрированными хоботами противогазов. За ними, подгоняя, бежал долговязый старшина с фуражкой в левой руке. Лицо его покраснело. Видимо, занятия спортом не лучший опохмелитель. Увидев Яцкевича, он закричал:

– Иди, работай! Что шатаешься без дела?!

– Вот, гвозди несусь, товарищ старший прапорщик! – Ответил Максим, вспомнив, что у него в руке молоток.

Кавалькада скрылась в клубах пыли, пробежав мимо солдат, копающих «секретные» ямы.

На складе пахло мышами.

– Эй! Завсклад! – закричал Макс войдя в тускло освещенную комнату. Тень за столом распрямилась, и он увидел своего будущего работодателя. Он что-то жевал и, проглотив, повелел Яцкевичу ленивым голосом:

– Ыды суда.

Кладовщик Навазов был высок и свиреп. Его круглое, раскосое лицо было неестественно желтого цвета. Лохматые брови свисали над глубоко посаженными маленькими глазками. Несмотря на то что ему было, судя по всему, не более двадцати, выглядел Рахмат намного старше.

«Это из-за морщин», – подумал Максим. Кладовщик был родом из Южного Казахстана и, очевидно, всю свою жизнь провел пася овец под ярким солнцем Алтая. Кличка кладовщика была – Чингиз-Хан, хотя, по сроку службы, ему скорее подошло бы звание сотника в монгольской войске. Кривые ноги Рахмата наталкивали на мысль о его кавалерийском призвании.

– На, почытай пока. – Чингиз-хан кинул на стол газету «Красная звезда». На первой странице были обязательные для любого периодического издания Советского Союза орден. Но кроме орденов и фотографий для Яцкевича не было ничего понятного. Газета была на узбекском языке. И хоть узбекская письменность – та же, родная кириллица, создавалось впечатление, что набирали ее под воздействием тяжелых наркотиков, тыкая пальцами в первые попавшиеся клавиши.

Под орденами и названием помещалась фотография танка Т-72 в тени которого, улыбаясь, обнимались трое солдат.

– «Бастапкы танк бару, талдау сару кегал», – прочитал Максим и стал вполголоса переводить статью.

– «Здравствуй, мой любимый Равшан! – Фатима прижалась к джигиту и положила его ладонь на свою высокую грудь. Равшан зарычал и, оторвав черную пуговицу, засунул свою пылающую руку под ее хиджаб. – Наконец-то ты пришел!» – Не в силах больше сдерживаться, он разорвал ее одежду и припал губами к ее маленькому затвердевшему соску. От укуса девушка вскрикнула и взмахнула руками. Равшан сжал ее родильное место. У Фатьмы перехватило дух».... – Максим не понимал этот язык, но надеялся, что переводит близко к тексту.

– Где?! – Заверещал казах. – Дай мнэ эту бесценную бумагу!

– Вот. – Максим передал газету. – Главная статья.

Рахмат быстро пробежал глазами первую страницу, перевернул, просмотрел вторую, снова перевернул и откинул печатный рупор советских вооруженных сил.

– Нэт! – Взвыл он. – Все про Советскую армию!

– Ну, где-то там. – Макс побоялся рассмеяться, опасаясь гнева кривоногого «деда».

– Гдэ ты читал?! – угрожающе взревел он. – Говоры, шайтан, ящик масла дам!

– На первой странице, – серьезно сказал Яцкевич. – Я же узбекского не знаю, вот и перевожу как умею.

– Это не узбекский! Это казахский!

– Ну вот видишь. Поэтому и ошибся.

Завсклад сильно ударил Максима в грудь и что-то долго кричал на него на гортанном, непонятном языке, затем повернул лицо к потолку и стал жаловаться Аллаху. Потом рухнул на колени и начал молиться, иногда стучаясь лбом в грязный пол.

В конце концов он сел, по-арабски скрестив под собой ноги.

Навазов закрыл глаза, расставил руки ладонями вверх, поднял лицо и что-то заунывно запел вздрагивающим голосом. По грязным щекам катились слезы.

«Блин. Тоже мне трагедия. Бабу захотел, – подумал Макс. – Все хотят»...

Возле входа забибикали.

– Ыды. – Сказал Чигиз-Хан не открывая глаз. – Грузовик прышол. Восем мешков. Сложи в углу.

Яцкевич вышел из склада и подошел к кабине зеленого Газ-53.

Ему повезло. По короткой прическе и другим признакам он определил в водителе «духа».

– Что привез? – Спросил Макс. Он распустил ремень и расстегнул верхние пуговицы, старательно разыгрывая из себя старослужащего.

– Комбижир «Могилевский». Вам восемь мешков.

– А не нам? Пожрать что-нибудь есть?

– Только это и мешок концентрированного супа. Но есть это невозможно. Банка на котел. – Оробевший водитель не смел возразить.

– Пойми, душара, – Максим благосклонно хлопнул по плечу молодого солдата. – Есть можно все, где есть органические вещества. А в комбижире их нет. – Яцкевич забрался в кузов, звездочкой пилотки распорол мешок с консервами и сунул в карман штанов одну банку. – Ладно. – Крикнул он водителю спрыгнув на землю. Разгружай комбижир. Скидывай в угол склада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.